

18+

ДМИТРИЙ КЛЮС

МОРОГУМ

Дмитрий Ключ

Мороги

«Издательские решения»

Ключ Д. В.

Мороги / Д. В. Ключ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513340-3

Эпическое фэнтези о любви, ненависти и войне между расами населяющими северные земли древнего мира. Вождь объединенного племени дарсов ведет свою рать, чтобы поквитаться с людьми. Два войска сошлись в смертельной битве на поле радости. Не знали они, что настоящий враг совсем другой...

ISBN 978-5-00-513340-3

© Ключ Д. В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. (Между прошлым и настоящим)	6
Глава 1. Набег	6
Глава 2. Гроза	10
Глава 3. Кровная ночь	13
Глава 4. Кровная ночь (продолжение)	19
Глава 5. В ней автор знакомит читателя подробнее с дарсами	25
Глава 6. (Великий исход)	29
Глава 7. Дарсы (новая жизнь, продолжение)	30
Глава 8. В которой автор продолжает рассказывать о днях, давно минувших, а также познакомит вас с некоторыми народами, населявшими Холодные земли	33
Глава 9. В ней пойдет речь о днях недавних, о событиях, которые перевернули жизнь в Северной стране	38
Глава 10. Украденная невеста	43
Глава 11. Рабыня	46
Глава 12. В Торгарде	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мороги

Дмитрий Викторович Ключ

© Дмитрий Викторович Ключ, 2020

ISBN 978-5-0051-3340-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. (Между прошлым и настоящим)

Глава 1. Набег

– Древние были, есть и будут. До рождения человека пришли Они с темных звезд, незримые и внушающие отвращение, спустились они на первозданную землю...

Аль Азиф.

– Вереса, быстрее домой! Вереса, сейчас же иди домой... Вот погоди, несносная синхаа,* я все расскажу отцу... Голос старой Хелты, матери семилетней Вересы, раздавался все настойчивей.

– Нужно идти назад, а то и вправду, когда вернется отец, она, вредная, ему пожалуется. Но в чем я провинилась? – размышляла вслух девочка, – ну подумаешь, зашла далеко в лес без её разрешения, а вдруг именно сегодня я его наконец встречу. Ведь недаром он мне приснился во сне, маленький, пушистый с крохотными, словно бусинки, красными глазками. Папа постоянно обещает его подарить, но каждый раз обманывает, – разговаривала сама с собой Вереса.

– А, может, просто забывает, ему же вечно некогда. Жаль, что я не мальчишка, он брал бы меня с собой на охоту, и мы вместе пропадали неизвестно где, тогда бы никто не смел меня звать.

– Вереса, быстрее домой, – скорчив смешную рожицу, девочка передразнила мать.

Солнце несмело выглянуло из-под гроздьев рваных серых туч и поспешно, словно испугавшись чего-то, скрылось за вершины исполинов деревьев. Девочка поправила свои длинные, косматые волосы и прислушалась к шуму, который доносился со стороны её поселения.

«Побыстрее бы появился отец, – Вереса, мечтая, закрыла глаза, – ведь когда вернутся охотники, она снова увидит высокого, темноволосого дарса по имени Аркан. Он обещал ещё немного у них погостить. Какой все-таки красивый этот воин, жаль, что на меня совсем не обращает внимания, а его друг, этот бочонок с вытаращенными глазами, постоянно подшучивает надо мной.»

– Конечно, – тяжело вздохнула девочка, – я же ещё очень маленькая, ну ничего, вот скоро вырасту и тогда посмотрим! Гизли*, гизли, где же ты? Дряхлая бабка Клагита, шамкая беззубым ртом, сказала, что этот зверек волшебный, кому посчастливиться его встретить, тот может загадать любое желание, и оно обязательно сбудется. А я хочу быть большой, – решительно заявила девочка, топнув ногой. – Представляю тогда, как все удивятся, если я внезапно вырасту, папа, мама, и главное, Аркан.

«Ох, как вкусно пахнет, – вдохнула она дурманящие запахи, стремительно наполняющие лес. – Ладно, пора действительно домой, а потом, когда взрослые будут отдыхать, можно будет снова попробовать улизнуть в чащу и зайти уже подальше, там я наверняка его найду, ведь гизли не будет прятаться возле самой деревни. Какая я все-таки глупая, – засмеялась девочка. Она уже было направилась к деревне, как вдруг насторожилась, услышав необычный шорох листвы в нескольких шагах от себя. Сердце у нее стремительно застучало: это гизли, наконец то он услышал ее зов и явился к ней поиграть.»

Сейчас, вот только она осторожно раздвинет этот густой куст можжевельника и увидит волшебного зверька....

Истошный детский крик разорвал неторопливую жизнь небольшого поселения дарсов Укенги.

Это был крик ужаса и неизбежной неотвратимой смерти, которая уже обнажила свой жуткий леденящий оскал и приготовилась сейчас поглотить всех тех, кто еще, ничего не понимая, бросил свои дела и с тревогой смотрел в ту сторону, откуда он раздался.

– Вереса, девочка моя, —зашептала Хелта. Лицо у пожилой валды* стало белее полотна, у неё подкосились ноги и перехватило дыхание, что с тобой, моя радость....

Раздался дикий торжествующий рев и с северной стороны леса показались уродливые существа маленького роста. Они, потрясая оружием, со всех ног неслись к маленькому поселению дарсов.

Как зачарованные, смотрели жители Укенги на стремительно приближающуюся орду грозных незнакомцев, не понимая, что происходит. И даже когда стали падать срубленные, точно деревья, под ударами страшного оружия незнакомцев первые поселенцы, оцепенение у других так и не проходило.

– Хрокс, макс, ренас! Михаб са уш палах, пмаз лус. Дильхима геки будса парв! Режь, руби, выродков! Вырезайте их поганые сердца, выпускайте им кишки. Поливайте нашу землю их кровью!

Коренастые, кривоногие, маленькие убийцы с остервенением выполняли свою работу, убивая беспомощных стариков и старух, женщин и детей.

– Какая маленькая славная кавердинка, – приговаривал уродец, облаченный в старую, проржавленную кольчугу. С его огненно- рыжей бороды, заплетенной в толстые косицы, стекали пенистые капли – зачем тебе такие быстрые ножки, я уже стар гоняться за такой шустрой, как ты.

Несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть, ему удалось догнать захлёбывающегося в плаче ребенка.

– Ну вот и хорошо, теперь ты так не побегаешь, – запыхавшись, прохрипел убийца, вытирая ладонью дымящуюся кровь, стекавшую с лезвия топора. Он стоял, пьяно раскачиваясь, над изуродованным детским телом, и кривая улыбка расплзалась по его безобразному лицу.

Мать Вересы Хелта погибла в числе первых укенгцев. Но она не растерялась в отличие от других соплеменников. Дочь прославленного князя иртов Зерда перед смертью сумела постоять за себя. Один из нападавших валялся у ее кортана с проломленной от железного прута головой, другой, ползая на карачках, как больной пес, извергал из дырявой шеи фонтаны крови и тоже уже готовился отправиться в страну его праотцов, а третий, лишившись глаза, истощно визжал, как дикий молодой кабан, и наряду с другими воинами яростно рубил уже мертвое бесформенное тело Хелты, извергая проклятья.

За происходящим, не принимая участия в мясорубке, наблюдал судя по всему предводитель убийц. Великолепные пластинчатые доспехи превосходно сидели на его хорошо сложенной фигуре. Впрочем, она была не без изъянов, он был однорук, его физический недостаток скрывал длинный черного цвета плащ, расшитый золотыми нитями. Могло показаться, что этот господин, хоть его лицо и скрывала серебряная маска, смотрел на своих мясников с чувством брезгливости.

– Принц, – обратился к нему один из подбежавших воинов с глубоким старым шрамом на щеке, – ребята сделали свое дело, ваша светлость должна быть довольна, все, как вы и хотели.

– Сколько? – процедил сквозь зубы тот, кого называли принцем.

– Двадцать восемь поселенцев, среди них десять рогланов. Дарсы и их король будут довольны, когда увидят этот кроличий фарш из их родичей, мой господин. У нас, правда, тоже есть потери... – несколько замялся воин, – полегло четверо. Светлый Гирм их памяти.

– Двадцать восемь и среди них десять могильщиков, все старики, старухи, дети! И четверо мертвых, хорошо вооруженных хревов. О, Ясбуд! *

– Повелитель, могильщики тоже неплохие воины, – попытался возразить своему господину воин, но сразу же пожалел об этом.

– Заткни свою дурнопахнущую пасть, Мор, – рявкнул принц. – Молись Свере,* что я не отрезал твой длинный язык. Если бы здесь были их воины, на твоих кишках уже бы прыгали от радости мухи.

– В... владыка, – даже немного заикаясь от страха, послушно пролепетал тот, кого назвали Мором, – для моих воинов действительно было неожиданностью, что старые дарсы окажут такое сопротивление. Заида и его брата Хлопа убила старая ведьма, дравшаяся с невиданным остервенением. Она же лишила зрения беднягу Лургала. А Грема и Билока проткнул чудовищным мечом старый роглан, которого я поразил своей секирой. Вы только посмотрите, какой необычный клинок был у этой свиньи. Рэм, клинок господину!

Один из маленьких, крепкосложенных воинов, низко поклонившись, протянул господину на вытянутых руках длинный, сверкающий на солнце, меч.

– Харес ту ахатра намебу*, – прошептал однурукий, невольно вздрогнув, увидя его. Он посмотрел на величаво проплывающие в небе гроззовые курчавые облака.

Меч, который ему принесли, был и вправду изящен; навершие рукояти длинного роскошного клинка было выполнено в форме женской головы с длинными развевающимися волосами.

– Знаешь ли ты, что это за меч и кому он принадлежал? – после небольшого молчания, – спросил однурукий Мора, который стоял, опустив голову возле своего господина, не смея ее поднять.

– Нет ваша светлость, не имею представления – простодушно ответил воин.

– Это меч смерти, он был выкован сотни лет назад, мастерами народа, имя которому было- ариты. Говорят, сами боги наградили их талантом создавать такую красоту. Это один из тех мечей, которые заказали им небесные воительницы, люди называют их валькириями. Они готовились к смертельной битве с великанами из Нифльхейма, и только это оружие могло их сокрушить. Лезвие этого меча так остро, что разрежет волос на лету. Его не нужно никогда точить, он останется остр, даже если сотни лет пробудет в воде. Девы дали мастерам особую волшебную руду, из которой те и сделали эти клинки. Их было изготовлено несколько штук, для каждой из валькирий. Чтобы секрет этого оружия остался в тайне, валькирии уничтожили аритов. Всех до одного. Мечи нужно было хорошо накормить кровью. Но небесные богини не знали, что один из этих волшебных мечей мастера оставили себе, спрятав его. Говорят, этим мечом потом владел сам грозный Сурт, повелитель Муспельхейма. И вот теперь он снова со мной.

«Иль дехмо ген содо»*, хозяин всегда один, – задумчиво прочитал выгравированную на стали руническую вязь господин в серебряной маске. – Этот клинок один из младших, его особенность, что он сам выбирает себе хозяина, которому служит верой и правдой, и горе тому, кто осмелится взять его себе. Он всегда возвращается к своему мастеру, который должен о нем заботиться и хорошо поить новой кровью.

– Вот ты и снова со мной, мой старый ненасытный друг, – с любовью произнес принц, аккуратно поглаживая лезвие. – Ищите ножны, – вдруг резко поменял он тон голоса, от которого повеяло замогильным холодом. – Должны быть ножны. Этот меч не может жить без ножен!

Мор со всех ног бросился бежать, на ходу отдавая приказания другим воинам.

– Вот они, ваша светлость, – воин с глубоким шрамом был несказанно рад, что ему так быстро удалось угодить своему господину, ибо он знал, что могло быть в противном случае. Принц Кнуд был очень быстр на расправу, несколько дней назад попробовавший ему возразить Баст, по прозвищу Угрюмый, лишился своей головы.

– Ты прощен, Мор, – небрежно кивнул принц, внимательно разглядывая деревянные ножны с ажурными позолоченными накладками.

– Заканчивайте побыстрее, пора уходить. Изуродуйте мертвые тела выродков до неузнаваемости. Разрушайте их жилища и заметите все следы, дарсы до конца своих дней не должны узнать, кто угробил их деревню, – отдавал приказания однурукий.

– Не извольте беспокоиться, милостивый владыка, они ни за что не узнают. Одежда моих воинов пропитана миньяном*, мы принесли с собой много запахов людей и их предметов, волки лесного народа возьмут ложный след. Их вождь будет в бешенстве, когда увидит, что осталось от его соплеменников и, конечно, захочет отомстить людям. Все будет, как вы и задумали, – злорадно молвил, гнусно улыбаясь, Мор.

– Поменьше болтай, побольше делай, не упустите ничего. – И заткни рот этому одноглазому идиоту, он орет на весь лес, иначе мне придется лишиться его и второго ока, – с раздражением произнес принц, имея в виду беснующегося раненого хрева.

Слаженно и без особой суеты выполняли приказы своего господина маленькие убийцы. Каждый из них хорошо знал, что нужно делать.

Поселение жизни, так в переводе с языка дарсов означало слово Укенга, перестало существовать. На его месте теперь было чудовищное пиршество смерти. Поруганию подверглись не только тела бывших ее жителей, но и их почитаемые боги. Заляпанные кровью стояли изуродованные, покосившиеся деревянные столбы идолов дарсов.

– Как молил меня пощадить этот старик, – захлебывался от смеха один из хревов по имени Слим, показывая приятелям, как он убивал свою жертву. Его дружок Флаин, по прозвищу Короткие ноги, занимался пересмотром награбленных вещей.

– Ничего хорошего, – недовольно бурчал он себе под нос. – Одна рвань! Что я подарю своей жене?

– Оставь, это мое! – со злобой замахнулся Флаин вороньим клювом на одного из хревов, пытавшегося схватить отложенные в сторону тряпки. – И так поживиться нечем, еще и ты своими лапами лезешь, – со злобой выругался он.

Вдруг на другом конце разрушенной деревни раздались восторженные возгласы.

– Мой господин, ребята нашли несколько бочек прекрасного напитка, разрешите, взять его с собой, – обратился к принцу вновь подбежавший Мор.

– Это ваше дело, – разрешил однурукий, – однако, поторапливайтесь живее, не хватало, чтобы нас застали дарсы. Заканчивайте и уходим.

Перед тем, как убраться, Кнуд прошелся по месту, где заканчивали орудовать его молодчики. Он брезгливо переступал через обезображенные трупы дарсов и разбросанную утварь, внимательно разглядывая мертвых. Возле одного из них он задержался, пристально вглядываясь в его лицо.

– Чем его заинтересовал этот мертвый старый роглан? – недоумевал Мор, наблюдая за своим господином. Вдруг однурукий радостно заревел, как взбешенный зверь.

– Свара лай матхи!* – кричал принц хревов, как одержимый. Он безумно захохотал на весь лес. Никогда не видевшие своего господина в таком состоянии хревы застыли на месте и с боязливым трепетом смотрели на него.

Глава 2. Гроза

Небо медленно закрывали тучи, словно огромные куски темной шали. Небо, казалось, насильно пеленали, и оно сопротивлялось, хотя силы уже видно были на исходе.

Могло показаться, что кто там, наверху, не хотел, чтобы в этот день оно было безоблачным, беззаботным и светлым. Только не сегодня, только не сейчас! Не спеша начинал свою заунывную песнь и Вермский лес. Холодный ветер, пришедший с запада, безжалостно срывал еще зеленую одежду с могучих деревьев-великанов, заставляя их в ответ сердиться, покачивая ветвями. Приближалась гроза.

Ничто: ни приближающаяся непогода, ни слова утешения родичей, – не в силах были поднять с колен герма Натира. Его глаза ничего не видели, их покрыла пелена скорби, он был безучастен ко всему происходящему, ко всем, кто его окружал. Огромное горе приковало его к земле, казалось, навечно.

Небо все сильнее начинало трещать по швам, и, наконец, на уставшую землю пошел сильный дождь, но на него не обращали внимание все подходившие и подходившие к месту трагедии охотники. Их становилось с каждой минутой все больше и больше, и шум их голосов заставил голос ветра, гулявшего в Вермском лесу, быть тише.

Двое из охотников, прибывшие к месту событий, одними из первых стояли немного в стороне от других и сейчас делились своими суждениями между собой.

– Натир застыл, как изваяние, он уже около часа находится без движения, боюсь, что у него помутился рассудок, – медленно расставляя слова, произнес на кавердинском* языке один из них, гигант тролль.

Этот малый разительно отличался от всех остальных. Он был просто огромен, около семи футов роста, и широк в плечах. Руки его были длинными и мускулистыми, а ноги, напротив, короткими и тонкими, непропорциональными телу. Эдакий бочонок пива на маленьких ножках. Потрепанная одежда сидела на его сутулом теле мешком. У него были крупные, немного звериные черты лица, огромные навывкате, немного мутноватые глаза, широкий нос с торчащей из его отверстий волосяной растительностью, завернутые словно в трубочки ушные раковины, большой щербатый рот. В довершении всего его лицо создатель разукрасил огромными рябыми пятнами, что придавало ему особую непривлекательность.

– Горе Натира безмерно, – мрачно ответил второй, он был намного ниже своего друга, и менее крепок чем тот. У него было немного вытянутое волчье лицо, выдающиеся скулы, выразительные темные, как ночь, слегка раскосые глаза, прямые тонкие, словно стрелы, брови, длинный орлиный нос и густые волосы, спадавшие до плеч. Если у гиганта лицо было болотного, трясиного цвета, то у другого кожа была смуглой, немного красноватого отлива.

– Первое, что увидел Натир, когда охотники вернулись в деревню, изуродованное тело своей дочери, – продолжал второй, – несчастную Вересу разорвали буквально на части, так не потрошит свою добычу даже наш мясник Нурцаг, а он, поверь, знает свое дело. Проклятые кнеды!* -стиснул зубы охотник, вытирая мокрое лицо, они не пощадили даже детей.

– И все же нужно взять себя в руки, так раскисать не к лицу храброму воину. Странно, зная ваши обычаи, я все равно ничего не могу понять, – покачал в недоумении головой тролль, – вы же сами зачастую убиваете при рождении своих особей женского пола, отдавая первенство мальчикам.

– Это все так, дорогой мой, Кирби, чтобы умилостивить богов, мы приносим им иногда жертвы, это особая честь, но ты забываешь одно, это делается с согласия на то отца родившегося ребенка. Когда на свет появилась Вереса, Натир запрещал всем на нее даже дышать, не то, чтобы положить ее в жертвенную яму. Он ее любил и баловал, как только мог, и вот теперь боюсь, как бы не подтвердились твои слова и у него не повредился рассудок.

– Твоя подруга вернулась, – широкая улыбка до ушей расплзлась по лицу тролля, когда к его другу бросилась огромная серая волчица. Троль испытывал к этому зверю особые чувства, когда он впервые увидел волчицу, его глаза смотрели на неё, будто это было какое-то божество. А когда Вильда, так звали серую, привыкнув к этому гиганту, разрешила ее погладить, не проявив агрессии, он был на вершине блаженства.

– Промокла, пронира? – молодой дарс ласково потрепал животное, которое, потершись о его ноги, улеглось неподалеку от хозяина, спрятавшись под кронами старого дуба от дождя.

– Говорю тебе, так могли поступить только люди, – со злобой в голосе пробасил тролль, – мерзкие маленькие людишки, они вырубают леса, высушивают болота, забирают наши земли, наконец, убивают нас ради потехи. Все зло идет от них!

– Это могли быть и не они, – возразил ему дарс. – Врагов у красного народа достаточно!

– Кто же еще? Неужели хревы? Да и остались ли они вообще...

– Грех много раз рассказывал мне о его походе вместе со Снурри. Они зарубили нескольких козлоногих* недалеко от владений людей. Да и отец с нескрываемой ненавистью часто говорил про маленьких уродцев, в древности они постоянно досаждали наш народ своими набегами. Уверен, их много и живут они сейчас как ни в чем не бывало среди уходящих в небо Черных гор.

– Горы- это наши владенья, – твердо отрезал тролль. – Мы охраняем небо. Аркан, мой друг, у тебя очень мягкое сердце, ты всегда почему-то защищаешь людей, – продолжал вещать трубным голосом Кирби, – они бесполезные, кровожадные твари, и убивать их нужно беспощадно. Давно пора дарсам объявить против них священную войну.

– Спокойно, Вильда, – обратился к волчице Аркан. Волчица, оскалив зубы, зарычала на внезапно появившегося перед ними, выросшего словно из-под земли незнакомца. Несмотря на то, что лицо его было закрыто капюшоном, невысокого, худощавого незнакомца, одетого в черный балахон, опирающегося на причудливый изогнутый, как змея, деревянный посох, увенчанный массивным набалдашником, похоже, в этих краях хорошо знали.

– Яхв!* – Чужак положил свою правую руку себе на сердце, а левую поднял согнутой, показывая открытую ладонь. Это был знак, которым дарсы всегда приветствовали друг друга, означающий открытое сердце и доброжелательность. – Сами боги оплакивают ваше горе, Аркан, сын Таньяга, – обратился он к молодому охотнику на великолепном кавергинском языке.

– Яхв! – Аркан нехотя ответил приветственным жестом незнакомцу.

– Зачем ты пришел сюда, Гирон, вечный странник, собиратель сплетен, глаза и уши элларов, – с раздражением произнес молодой охотник, который был не рад этой встрече.

– Горькие вести всегда бегут быстрее добрых, их разносят быстрокрылые птицы и быстرونogie звери, я пришел поговорить с твоим отцом, выразить его народу сочувствие и сказать, что ни золотоволосые эллары, ни благородные амастаки, ни трудолюбивые зорфи и ритонцы не причастны к вашему горю, – спокойным голосом, нисколько не смутившись таким приемом, произнес Гирон. – Лесные племена не виноваты в горе, постигшем вас, они скорбят вместе с вами. Сегодня вечером во многих наших румах эллары склонят головы и зажгут огонь памяти, почитая ваших убиенных.

– Обвинять элларов и тем более ритонцев никто из дарсов я, думаю, не станет, – несколько смягчил свой тон Аркан. – Дарсы сами разберутся и найдут тех, кто открыл дорогу в Укенгу зверям Ремха.

– И все же я хотел поговорить с твоим отцом и старшим братом, – нерешительно молвил Гирон. – Было время, когда мы хорошо понимали друг друга, – осторожно попытался напомнить он.

– Боюсь, тебе не поздоровится, если отец увидит тебя, – сухо отрезал Аркан. – Черные вороны Гура* замели своими крылами следы вашей дружбы. Последуй лучше моему доброму

совету- попытайся так же незаметно исчезнуть, как ты появился, обещаю, я передам ему твои слова.

– Наша правительница Ксетия не забывает добра, надеюсь, наши тропы ещё пересекутся, сын вождя, – благодарно произнес Гирон, низко поклонившись Аркану и, не спеша, стал удаляться. Через несколько мгновений он исчез в глубине леса. Аркан вместе с Кирби молча смотрели ему вслед.

– Что тебе говорил этот лязгучик элларов? – неожиданно раздался совсем рядом громкий голос отца, от которого Аркан невольно вздрогнул.

Вождь объединенных племен красных дарсов, правитель всей лесной страны Таньяг вместе с воинами из своей личной охраны с негодованием смотрел на своего сына. Хмурые воины Таньяга стояли за ним полукругом, держа в руках наизготовку небольшие широкие мечи блемусы и охотничьи копья. Таньяг был зол, по его красным воспаленным глазам было видно, что он провел бессонную ночь.

– Отец, – поклонившись, ответил Аркан, – рад видеть тебя.– Это был Гирон, его послали эллары узнать, что ты предпримешь. Он хотел поговорить с тобой, но я подумал, ты вряд ли захочешь его слушать в такое время и потому посоветовал ему убраться подобру- поздорову.

– Что говорил этот презренный? – загремел властный голос Таньяга.

– Он клянется всеми богами, что лесные народы не причастны к тому, что произошло в Укенге, и выразил нам своё сочувствие.

– Сочувствие? Кем он считает нас? Ничтожными слизняками? Зорфи*? – Последние слова Аркана Таньяга вывели из себя. Недовольно зашумели и все остальные его воины.

– Через несколько дней я сам буду сочувствовать своим врагам, когда спалю их жилища и истреблю их всех от мала до велика. Слышите все? – закричал он, и его голосу вторил раскат грома. Ещё сильнее заревел дождь, поливая своими слезами изуродованную землю, на месте которой раньше стояла Укенга.

– Отец, лесные народы действительно не могли напасть на наших стариков и детей, ты сам это прекрасно знаешь, – совсем мягко, пытаясь успокоить его, произнес сын.

Частенько, когда тот находился в пылу раздражения, ему удавалось таким образом воздействовать на него, но только не в этот раз.

– Я допьяну напую эти земли их кровью и досыта накормлю ее их телами – рычал, как раненный зверь Таньяг. -Скоро вернется с разведчиками Урсан, тогда все станет на свои места, – продолжал неистовствовать вождь. -Волки должны найти наших врагов, дождь не смог смыть все следы. -Отправляйтесь с Кирби в Ирсанг, вы мне понадобится на кровной ночи. Уже совсем скоро туда начнут подходить вожди племен, поэтому подготовьте все к началу и к моему прибытию.

– Слава всемогущему Майру, – зашептал один из воинов, – Таньяга Натир встал с колен и приходит в себя, один создатель знает, что ему пришлось пережить.

– Он настоящий воин, и у него скоро будет возможность отомстить за свою дочь и жену, как и у всех нас, – злобно молвил Таньяг.

Глава 3. Кровная ночь

Небольшое поселение дарсов Ирсанг, казалось, вымерло этим днем. Все его жители, а в нем жили преимущественно дарсы – ирты, от мала до велика, слышали, что сегодня ночью в Священной роще будут проходить важные события, которые могут изменить привычный и устоявшийся уклад их жизни. Все знали о трагедии в Укенге и не сомневались в том, какое решение будет принято сегодня на кровной ночи вождями племен.

Дарсы никогда не выделялись среди других рас, населяющих Холодные земли, веселостью характера, суровый уклад жизни сделал их таковыми, они всегда предпочитали действие – размышлению, а битву – разговору, но сегодня они были еще более мрачными и молчаливыми. Даже детей в этот день родители не выпускали из своих кортанов*. Им было строго-настрого запрещено появляться на улицах.

С раннего утра в Ирсанг стали подходить знатные представители других племен дарсов. Принимать таких почетных гостей для ирсангцев, наверное, было бы невероятной честью, если бы не обстоятельства, которые стали причиной их появления в этом небольшом местечке, находившемся на западных окраинах владения дарсов.

Действительно, почти все из прибывших были известными и знатными дарсами, многие своего рода живыми легендами этого народа. О некоторых из них слагались песни. Чего стоит имя одного лишь верховного германа Схеда, вождя всех рогланов, самого, как считалось, сильного из воинов страны. О нем ходили слухи, что без оружия, одними лишь руками, Схед был способен свалить наземь медведя, и это была чистая правда. У Схеда хранилось несколько шкур медведя. А огромное чучело косолапого украшало вход в его жилище. Отцы учили своих детей быть такими же бесстрашными и мужественными, каким был этот воин.

Непобедимый Схед одним из последних вошел в Ирсанг в сопровождении небольшого, хорошо вооруженного отряда могильщиков, несшего штандарты клана Гремучих змей.

В распоряжении гостей были переданы самые лучшие просторные кортаны, обед и ужин тоже были приготовлены на славу, все самое лучшее и изысканное подавалось на столы. Больше всего угощения пришлось по вкусу всеядным могильщикам*, они всегда не отказывали себе в удовольствии хорошо поесть, а здесь и вовсе разгулялись.

– Неплохо живут наши соседи, Хорх, я бы согласился побыть здесь недельку, другую, а может и вовсе остаться, – разомлев от сытной вечерни, оскалив желтые клыки, мечтательно говорил своему приятелю один из воинов, сопровождавших Схеда, поглаживая себя по морщинистому вздутому животу.

– Ирты тебя палками погонят на следующий же день, Мелад – проворчал ему в ответ старший из могильщиков тощий, длинноногий Хорх и после того, как сделал добрый глоток из кувшина, наполненного опьяняющим напитком, настоянным на лесных ягодах, добавил:

– Нас так принимают, потому что уважают нашего господина, ты же знай свое место, помалкивай и набивай брюхо, пока есть возможность. Мелад не стал спорить, посчитав совет своего старшего приятеля вполне полезным, и с еще большим аппетитом принялся уплетать еду, налегая на жареное кроличье мясо.

Ночь уже обняла нагое небо, накинув на него темные одеяния. Незаметно пришла полночь. В святой роще, неподалеку от Ирсанга, должна была состояться Кровная ночь, ночь встречи всех единокровных вождей племен дарсов, которая проводилась в судьбоносные дни для всего народа. Зачастую на ней вожди племен решали, кому вынести крику*, либо против какого народа объявить войну. Подобные святых мест у дарсов было всего три. Они были отделены высокою оградой и тщательно охранялись и днем, и ночью. Заходить на эту территорию без особого на то позволения хранителей было строго запрещено. Нарушителей ждала жестокая кара. Но было семь дней в году, когда эти места были разрешены для посещения

всем желающим без всяких ограничений, именно за столько дней по старинному преданию верховный бог Майру сотворил весь мир и самих дарсов. Тогда они были настоящим паломничеством, дарсы шли к каменным статуям своего повелителя с различными просьбами, умоляли создателя о милостях, несли ему в подарки различные дорогие украшения, приносили в дары еду и животных.

В каждой семье женщины к этим дням готовили специальные двухслойные рисы, символизирующие неразрывность между небом и землей. Вообще же, если рассматривать небесную твердь, то исстари дарсы считали, что их несколько, и каждой правит тот или иной сын Майру. Последнее было престолом для самого создателя, местом вершинства и блаженства. Возвращаясь назад, дарсы брали с собой воду из бывшего неподалеку родника. Считалось, что вода, взятая из Святых роц, в это время обладает чудесными исцеляющими свойствами. Ее пили, добавляли в пищу, из нее делали различные лекарственные настойки. Еще дарсы верили, что в эти семь дней дух Майру посещает святые места и может принять любое из обличьев, а потому всякое смертоубийство в эти дни, даже животных, было запрещено; неизвестно же было, какой облик примет их создатель на этот раз. После праздничных дней посещение этих мест считалось для простых дарсов высочайшей милостью, необходимо было получить особое разрешение у хранителей культа Майру, дабы их посетить.

Вообще Майру считался наиболее почитаемый из богов у дарсов. Легенды этого народа, собранные в книгу («О великих днях сотворения жизни»), рассказывают о нем, как о справедливом, добром и могущественном. Его дарсы изображали двухговым, потому что он надзирает за двумя главными царствами, то есть небом и землей. Головы были разные, та что олицетворяла небо, была по размеру больше той, которая следила за землей.

Неизменную и любимую спутницу Майру, богиню земли, звали Фоя.

Её изображали в виде волчицы, так как по преданиям она частенько превращалась в этого зверя, сопровождая своего мужа на охоте, это, наверное, и объясняло ту особую любовь дарсов к этим благородным животным, которые являлись для всего народа тотемными. Именно Фоя настояла на том, чтобы Майру по её образу и подобию создал дарсов.

У создателя было много родных дочерей и сыновей. Богом благородства и войны был Рокет, лесами правил Зоман, реками и морями- Армида, удачей -Керота, северным ветром-Гевер, громом- Трот, а молниями- его пасынок Двин, и, наконец, был среди них повелитель зла и смерти- Ремх.

Вот что рассказывает о его появлении книга «О великих днях сотворения жизни»: несмотря на строжайший запрет своего отца не вмешиваться в дела земные, одна из дочерей Майру, по имени Живина, правившая шестым домом, спуталась на земле с гигантским змеем и родила на свет младенца, грязного, липкого, холодного, с уродливыми чертами лица и туловищем, длинным, как у змеи.

Она долго прятала его от отца, ибо боялась его гнева, но Майру все равно прознал о проделках своей дочери. Когда он нашел младенца и показал своим сыновьям, все боги долго смеялись, видя такое уродство, а Живун рыдала и просила отца пощадить ребёнка. Майру, который вначале собирался убить змееныша, все же пожалел его, дал ему имя Ремх – отвратительный, велел посадить его на цепь и запереть в татходе*, самом мрачном и ужасном месте небесного царства, дабы его никто и никогда не увидел.

Ремх рос изгоем, без ласки и любви, и немудрено, что когда он вырос, то возненавидел всех своих родственников и все живое. Обманом ему удалось выбраться из своей темницы, он убил свою мать, которая на протяжении всего этого времени ходила его кормить, и сбежал от мести Майру на землю.

По легендам, раньше дарсы жили вечно, в радостях и веселье, в постоянном достатке, но как на их земле поселился Ремх, конец пришел их счастью. Ремх стал богом смерти, а его

бесчисленные сыновья и дочери, коих зачал он в грехах с самыми отвратительными тварями земными, опьяненные кровью, принялись за дело.

Сыновей и дочерей у Ремха было очень много, это боль, страдания, различные болезни, слабости и пороки. А слуг и вовсе не счесть – это страшные монстры, демоны, которые могут вселяться в людей и строить им различные козни.

Говорят, своих слуг Ремх создавал, когда бил посохом скорби по камню жабьей силы у Черных гор. Дарсы частенько изображали Ремха в образе высокого, кривого, злого старика, на плечах у которого сидят большие хищные птицы, в бороде и волосах копошатся черви, вместо рук у него змеи, которые жалят всех, кого видят и обглаживают кости мертвецов в могилах, От него всегда ужасно смердит. Полчища крыс постоянно следуют за ним. Другие представляли себе бога зла Реймха, с раскрытой пастью караулящего свои жертвы между небом и землей. И об этом вечном противостоянии добра и зла, смерти и жизни хороших и плохих богов рассказывали легенды дарсов.

Множество ритуальных костров, разожженных по кругу в честь сыновей и дочерей бога Майру, освещали большую жертвенную поляну и установленные на ней каменные изваяния божеств. Рядом с ними на сырой земле расположились знатные дарсы, вожди племен, хранители, жрецы и шаманы, прибывшие сюда по велению Таньяга со всех уголков Дарсии.

Здесь были: и бесстрашный Схед, и вожди иртов: Хрид, Рамс, Тольген, Хартиф, Фод, вожди племен вертов – красных дарсов: Талык, Умак, Эгмар, лучшие воины этого племени – Бронг, сын Гекрога, любимец всех женщин Сувкара, высокий красавец Альдар, улусы могильщиков: Зеца, Ячта, Вукла, почтенные и убеленные сединами жрецы и шаманы, наконец, сам верховный вождь дарсов Таньяг со своими сыновьями Урсаном и Арканом, которые сидели по обе стороны от него.

Рядом с Арканом, чуть сзади, устроился Кирби. Он был единственный из всех, кто в ожидании начала Кровной ночи изо всех сил боролся со сном, возле него лежала волчица Вильда, в ее глазах весело плясали, отражаясь, красные язычки пламени костров. Когда верховный лонвилль* дарсов очертил различными таинственными знаками место проведения Совета, его жрецы, облаченные в красные одеяния, приступили к процедуре призвания божеств, монотонно распевая в их честь песнопения.

– Братья, – торжественно произнес Таньяг, когда все затихло – как велят законы предков, наполним этот кубок нашей кровью. Вот он священный меч великого Янгаса, хранившийся в его гробнице в граде мертвых Хзенада. Он глубоко порезал ладонь своей левой руки слегка изогнутым небольшим клинком и подставил под кровь большой изящный серебряный сосуд, который ему поднесли жрецы.

«Вазу ра, ми дожу хва*. Вазу ра ми дожу хва» – негромко, но четко повторили все дарсы вслед за своим вождем. На этих словах вдруг вспыхнуло и, как показалось, сердито затрещало пламя в центре поляны, у огромного каменного изваяния самого создателя Майру. Оно взметнулось в темную ввысь, разбрасывая в разные стороны, словно руки, искры.

Эффект неожиданности был впечатляющим, многие из дарсов невольно вздрогнули. Кирби, до этого момента уже совсем было сдавшийся и покорившийся сну, вмиг проснулся.

– Посмотри, Аркан, – тихо пробасил он молодому вождю, указывая на главную каменную статую, – создается такое впечатление, что ваш бог не очень-то и доволен происходящим.

Действительно, лицо у каменного идола, возвышающегося над жертвенным настилом, при свете ярко вспыхнувшего огня казалось злым.

– Наверное, ему не понравилось, что его разбудили среди ночи, -съязвил тролль. – Вот, к примеру, будить наших богов в такое время большой грех, ваши, наверное, тоже хотят поспать.

– Тише, Кирби, умоляю, тише, если кто-нибудь услышит твои глупые слова, тем более, сейчас, не сносить тебе головы, – умоляюще прошептал Аркан.

– Умолкаю, – несколько пристыжено пробормотал тролль, – и все-же зачем вся эта таинственность, эти никому не нужные обряды. Лишь трата времени. Ведь давно уже известно, чем закончатся эти ночные посиделки. Аркан ничего не ответил на пустую болтовню своего друга, он был всецело захвачен происходящим.

А между тем дарсы по очереди повторили обряд, который начал их вождь. Один из жрецов почтенный Рахен, отнес кубок с их кровью и бережно поставил его на жертвенный круг к статуе бога Майру.

– Благодарю вас, мои братья, что вы собрались здесь по моей просьбе, – продолжил Таньяг. – Последний раз Кровная ночь проводилась, как вы помните, пятнадцать зим назад, в славном месте, сердце дарсов – Явдавкасе. Сегодня, как и тогда, мне нужны ваша поддержка, ваша сила, ваши воины, чтобы начать священный поход. Мы должны отомстить за наших стариков и детей. Сегодня по утру останки наших родичей были сожжены, а их пепел доставят в Хзенад, где он будет погребен со всеми причитающимися почестями. Вместо надгробных камней у их могил будут стоять остроконечные лифы*, до тех пор, пока они не будут отомщены. Архчу ур сарам.* – закончил он.

– Великий вождь, – обратился к Таньягу Схед, – мы до сих пор не знаем имя наших врагов. Почему ты не обмолвился ни словом о них?

– Твой вопрос лишний, герман Схед, – жестко ответил Таньяг, – Напрасно вы обманываете себя, вы все прекрасно знаете этих тварей... Наши самые заклятые враги-люди.

Его слова, похоже, задели всех за живое. Больше всех изрыгал проклятия по отношению к людям верховный герман Схед, его злоба заражала и других, немало потребовалось усилий, чтобы успокоить не на шутку разбушевавшихся дарсов.

– Я только сейчас рассмотрел его вблизи, – снова пробасил на ухо Аркану Кирби. – Сколько же у него шрамов на лице, можно только представить, как обезображено его тело, если бы его не скрывала эта великолепно выделанная медвежья шкура.

– Шрамы, полученные в сражениях, не нужно скрывать, это особенная гордость всех дарсов, мы гордимся своими увечьями, – с неким торжеством в голосе ответил Аркан, тебе ли это не знать, мой дорогой друг. Посмотри на его амулеты, у каждого из них своя история, они частицы поверженных врагов, были ли то звери, или двуногие существа. Большое горе, если дарс потеряет свои амулеты, тогда он лишится силы и уважения других, поэтому мы никогда их не снимаем, даже когда отходим ко сну. Схед много раз встречался со смертью, как и Бронг, Хартиф и многие другие. Им есть, чем гордиться, – рассказывал Аркан.

– Тише, братья, – в который раз пытался навести тишину Таньяг, -успокойся брат Схед. Мой старший сын Урсан с отрядом разведчиков хорошо обследовал место, где гуляли слуги Ремха, и сейчас он вам все поведаст, говори, – попросил он своего сына.

Урсан был на десять лет старше Аркана, и будущая зима должна была быть двадцать пятой в его жизни. Внешне спокойный, рассудительный, немногословный Урсан не мог похвастаться, как многие другие дарсы, крепкими мускулами. Со стороны могло показаться, что он не способен на решительные действия, и всего лишь бледная тень отца, не имеющий своего голоса, но это было обманчивое впечатление. Урсан мог в один момент превратиться в разъяренного зверя, и горе было тому, кто стал бы на его пути. Свое хладнокровие и решительность он демонстрировал не раз, и оно изумляло и порой приводило в ужас дарсов, близко знающих его. Как-то раз на одном совете в Явдавкасе Урсан без колебаний вогнал нож в сердце очень знатному охотнику, когда стало ясно, что он издевается над своими слугами и обращается с ними как со скотиной. У дарсов были слуги, и это было вполне нормальным явлением, но никто с ними не смел обращаться, как с рабами. При этом, как ни странно, Урсан не слыл жестоким человеком. Старший сын во всем был надежной опорой и помощником отца. Отношения же его с Арканом, были далеки от гармонии, и их нельзя было назвать полными братской любви.

Урсан был главным ловчим у иргов, через него проходили все волки, поступавшие на службу к дарсам, он лично осматривал молодых волчат, занимался их обучением или выбраковкой.

– Волки могут жить только в стае, – всегда говорил он и недовольно кривился, когда видел свободно гулявшую Аркановскую Вильду, – только среди себе подобных она может стать настоящим охотником, а потом матерью, жизнь одиночки безрадостна и коротка, если бы не отец, я бы никогда не позволил тебе ее воспитывать, как собаку.

Вильда и была тем самым камнем преткновения и одним из источников конфликта между братьями. Урсан, еще когда она была совсем молодой, положил на нее глаз, и только вмешательство отца не позволило ему забрать волчицу себе.

– Не обращай на него внимание, он просто завидует тебе, – частенько говорил отец своему младшему сыну, объясняя тем самым недружелюбное поведение старшего, – ему трудно понять, как ты ее так смог обучить, ведь он, несмотря на то, что практически сам уже оброс шерстью, всю жизнь проводя с волками, такой дружбы, и преданности добиться от них не смог.

Со временем, когда Аркан стал старше, этот конфликт позабылся, но тем не менее, Вильда до сих пор не позволяла Урсану прикасаться к ней.

– Дождь не смог смыть все следы людей, – начал говорить главный ловчий, – мои волки взяли запахи убийц, хотя эти глупцы всякими способами пытались их замести. Судя по всему, жители Укенги были застигнуты врасплох, нападавших было несколько десятков человек, вооруженных до зубов. Несмотря на это, наши старики оказали убийцам достойное сопротивление. Зная Снурри, Треха, наконец, смелую и мужественную адиру* Хелту, думаю, они постояли за себя. На месте бойни мы обнаружили остатки лоскутьев одежды, принадлежащей людям, их оружие, обломки щитов; если кому-то из вас нужны доказательства, вы найдете их в Ирсанге, в покоях старейшины иргов достопочтимого Гланли. – Урсан поклонился в ту сторону, где сидел почтенный старейшина.

– Я благодарю тебя, сын мой, и твоих разведчиков, – поднялся со своего места Таньяг, – теперь мне хочется узнать, что скажут хранители нашей веры и наших душ. Достопочтимый Харгрин, вам слово.

К дарсам вышел седой, как лунь, старец, но несмотря на свои преклонные лета, он не выглядел немощным. От его одежды, множества украшений и талисманов, висевших на нем, веяло какой – то необыкновенной силой. Этот старик пользовался особым почетом и уважением у вождей племен и знати, так как его появление сразу же заставило умолкнуть пчелиный рой, голоса дарсов, растревоженных рассказом Урсана. И это было немудрено. Харгрин, являлся лонвиллем – главным служителем бога Майру на земле, его слова были не менее священны для многих охотников, чем их вождя.

– Справедливый Таньяг, благородный Урсан, неустрашимый Хартиф, могучий Схед и все остальные мои любимые родичи, – тихо начал он. – Моя речь многим из вас покажется непонятной, даже более того, странной, но прежде, чем готовиться к войне с людьми, мы должны были спросить на то позволения у нашего создателя и его детей – хотят ли они этого. Мне и другим жрецам поручено на этой земле быть их верными слугами, и только нам они могли это поведать.

– И наши боги говорят – нет! Наш небесный могущественный отец -против охоты, которую собирается открыть Таньяг и поддерживающие его другие вожди племен. Властительный старец остановился и обвел своим взглядом всех дарсов. Вожди недовольно зашумели.

– Продолжай, мудрый Харгрин, продолжай, –попросил жреца Таньяг. Несмотря на его спокойный голос, было видно, что речь хранителя была ему явно не по сердцу.

– Дабы умиловить наших богов, чтобы они послали нам удачу, сегодня в ночь, когда на небе открываются врата, мы должны были провести обряд жертвоприношения. Горькими травами уже был осыпан жертвенник, мы провели все необходимые ритуалы – но женщина,

выбранная моими помощниками для этой священной миссии, принесла накануне мертвых младенцев. Мы не можем положить на жертвенный круг не живую плоть.

Вчера Ультиде – нашей прорицательнице из Явдавказа, приснился странный сон. Она увидела бескрайнее поле, на котором лежат наши мертвые воины, а их тела рвут на части страшные рогатые звери, каких еще не видывали в наших краях. Это сон-предупреждение, его посылает нам лучезарный Вигос*. Все вы знаете, Ультида от рождения слепа, но она смотрит и чувствует своим сердцем, и её плохой сон – это предупреждение всем нам.

Мои священные камни, как бы я их ни раскладывал, говорят об одном и том же, они предвещают большую беду.

Это ещё не всё! Старейшины Гуштула рассказали мне, что в их поселении, в некоторых кортанах, мед и молоко вчера ночью стали другого цвета и вкуса. Хотите знать какого? Крови. У нас нет земли, нет времени, как мы можем надеяться на победу в этом походе?

Чем дальше говорил мудрый Харгрин, тем громче и жестче был его голос, что было непривычно для этого седого старца и тем суровее становились лица у дарсов.

– И наконец, вы должны помнить, о чем гласит наша священная книга...

И страшные беды, и несчастья обрушатся на дарсов, когда поведет вождь братьев своих в чужие края, чтобы покарать другие народы. И погибнут они почти все, а те, кто спасется, с ужасом будут вспоминать о том походе, – произнес он известные всем на память строки из радарсы.*

– Я закончил. Моими устами с вами сейчас говорил творец мира сего великий Майру, – жрец благодарно поднял свои руки к небу.

Слова верховного хранителя, похоже, произвели некое магическое действие на свободных охотников, ибо в священной роще воцарилась тишина, которую нарушало лишь мерное потрескивание костров.

Первым, кто нарушил это тягостное для всех молчание, был красавец Альдар, сын Умака одного из вождей вертов.

Глава 4. Кровная ночь (продолжение)

Прошу слова, как равный среди равных, – обратился ко всем сувкарец. Я молод, может быть, это и объясняет мою несдержанность. У меня мало жизненного опыта в отличие от многих из вас. Я не успел украсить свой пояс кожей убитых врагов. О всех великих войнах прошлого я знаю лишь понаслышке от храбрых воинов нашего племени. Но я никогда не слышал от них, чтобы дарсы вели себя, как трусливые псы, поджавшие под себя хвост. Почтенный тут много наговорил страстей и что же . . . Разойдемся по утру, кто куда, и будем жить дальше, как ни в чем не бывало, и ждать пока люди не вырежут еще один из наших поселков и не заберут себе весь наш Вермский лес.

Насколько я знаю, слепой Ультиде после употребления настоев из одурманивающих трав и сушеных грибов каждую ночь снится всякая нечисть, так почему же я должен воспринимать её видения и слова наших жрецов, как будто бы это воля наших богов?! У нас нет земли, времени? Да, она бесспорно принесла бы нам победу. Но насколько я помню, никто из ныне живущих никогда и в глаза не видел эту землю, мы охотимся и убиваем уже сотни лет без всякой помощи.

– Кто это, мой вождь? – продирая глаза, восхищенно спросил Аркана тролль, воодушевленный речью незнакомца.

– Я о нем мало знаю, – живо откликнулся Аркан, – Альдар, единственный сын Умака, полная противоположность своему отцу. Посмотри, как гневно тот на него смотрит. По Альдару сходят с ума все девушки Сувкара, не одной из них он вскружил голову. В ратном деле себя пока никак не проявил, но я слышал от брата, что у него самые шустрые ноги, в беге нет ему равных, он может догнать самого быстрого зверя в наших лесах. – О какой земле времени он говорит, что это? – не унимался Кирби.

– Это одна из легенд. Сосуд с особой землей, которая могла останавливать время и всякое движение. Владеющий им мог обездвижить все, что встречалось на пути. Замирали, словно засыпая, мгновенно реки, останавливались облака, переставали петь птицы. Дарсы владели этой землей века, она помогала им, но я точно не знаю, как произошло, что он исчез из Явдавкаса. Лучше всего об этом может поведать Псораз- наш хранитель времени, – рассказывал шепотом Аркан.

– Сувкарцу, наверное, здорово достанется на орехи за свои слова, – попытался предположить Кирби и не ошибся.

– Альдар, остановись, – попытался урезонить уже переходящего на открытую грубость по отношению к жрецам его отец, багроволицый массивный Умак, который, покрывшись холодным потом, с ужасом и негодованием смотрел на сына, – опомнись, ты кощунствуешь. Но тут на выручку Альдару пришел Схед.

– Умак, не мешай своему сыну, он недавно стал мужчиной и имеет право свободно говорить. Я поддерживаю молодого воина. Неужели река памяти вашей обмелела, и вы позабыли сколько зла приносили нам и другим лесным народам люди? Мой топор жаждет крови, если совет решит все по-другому, я один с могильщиками начну охоту на людей, – и невысокого роста коренастый воин, на лице которого заходили ходуном желваки, угрожающе посмотрел на всех.

– Схед, ты ведешь себя вызывающе, а у тебя, Альдар, не по возрасту слишком длинный язык, – властно выкрикнул Таньяг, – говори, Хартиф, – обратился он к одному из вождей иргов, видя, как тот тоже хочет что-то сказать.

– Слова молодого охотника приятны моему слуху. Его отец должен гордиться своим отпрыском, а не закрывать ему рот, – с кривой усмешкой начал свою речь среднего возраста дарс, было видно, что происходящее его искренне забавляло, и он специально долго находился

в тени, лишь наблюдая за всеми. Пальцы левой руки Хартифа все время пробовали на острие лезвие большого охотничьего ножа, с которым он не расставался ни на минуту. Вождь иртов был высок, худощав, и уже не молод, его лицо было изрыто глубокими морщинами, среди которых постоянно таилась улыбка. «Гордец, на всех смотрит свысока, считает себя самым умным», – говорили про него некоторые дарсы.

Хартиф никогда не повышал голос, даже, когда сердился, в то же время он не боялся сказать в лицо любому, что о нем думает, при этом мило тому улыбнувшись. Многим, конечно, это было не по душе, но его едкие замечания все старались пропускать мимо ушей, ибо знали, что связываться с ним не стоит. Даже Схед уходил от открытого столкновения с Хартифом, стараясь принимать всегда его сторону. Он был храбрым, бесстрашным дарсом, и за это его очень ценил Таньяг.

– Как там? И страшные беды и несчастья обрушатся на дарсов, когда поведет вождь братьев своих в чужие края, чтобы покарать другие народы...

– Хочется напомнить, что никто и никогда из ныне живущих, в том числе и наши уважаемые небесные старцы, не видели в глаза эту священную книгу. Зато все помнят её слова и пугают этим пророчеством своих детей. Но, насколько я помню, в ней было и продолжение, звучало оно примерно так:

– И только смелость и мудрость вождя спасет народ Майру и сумеет остановить зло, пришедшее на наши земли. Почему-то об этом пророчестве не вспомнил, или может его ненароком запаматовал уважаемый Харгрин, – все также продолжал ухмыляться и играть с клинком Хартиф.

– Сейчас нужно обсудить вопросы предстоящего похода, а не заниматься толкованием снов наших жрецов. Один раз мы уже простили людей, теперь они должны заплатить нам своей кровью! – закончил он.

– Вот это слова настоящего дарса! – рявкнул Схед под одобрительные возгласы, которые увенчали короткое выступление Хартифа. – Смерть людям!

– Великий правитель, и все же последнее слово останется за тобой, останови ослепленных жаждой мести вождей, -заклиная, бросился к Таньягу Харгрин, хватая его за руку. – Только твоя мудрость может помешать этому. Вспомните мои слова, предсказания, о дарсы, остановитесь! Людские владения огромны, у них много хороших воинов, они превосходно оснащены и обучены, вы найдете там свою погибель, – не теряя надежды, буквально молил он Таньяга. Но все было тщетно, вождь дарсов, отвернулся от почтенного старца и, казалось, его не слушал.

– Слушайте меня, отцы, сыновья, братья, – воззвал ко всем Таньяг, – я принял решение. Быть великому походу! Пусть каждый из вас испьёт сейчас из священного кубка единения нашу жизненную силу, тем самым он подтвердит свое согласие с моими словами.

Первым бросился к серебряной чаше, не дожидаясь, пока ее поднесут жрецы, которые в нерешительности сгрудились возле Харгрин и шептались с ним, – верховный герман Схед. Пригубив её, он растер кровь рукавом и собственноручно поднес чашу Хартифу.

– Не все выпил? – также, не переставая улыбаться, спросил у него ирт, отложив на время в сторону свой клинок. Примеру Хартифа незамедлительно последовали и все другие ирты Хрид, Тольген, Фод, потом чаша перешла в руки вертов огромного, словно медведь Бронга, далее молодого Альдара, большеглазого Гекрога, у одного лишь князя красных дарсов Умака она задержалась дольше обычного, но, подержав ее в руках и испытав на себе недоброжелательные взгляды соплеменников, Умак все-таки поднес ее к губам. Последними обряд единения совершали сыновья Таньяга, Урсан, Аркан, и завершил его, прикоснувшись к чаше, их отец. Он же влил остатки крови в каменные уста статуи бога Майру и произнес:

– Мсараму ва эжату ни!*

Главный хранитель, на которого никто уже не обращал внимания во время этого действия лишь недовольно качал головой. Улусы могильщиков, как и Кирби, не принимали участия в этом обряде, но они с интересом наблюдали за ним.

– Спасибо братья! – обратился Таньяг ко всем, – что поддержали меня, иначе и быть не могло, мы – одна семья. Как яростный ветер, мы ворвемся во владения людей и сотрем с лица земли их посеы и дома. Дарсы сумеют на поле боя отомстить за своих родных и близких. О! они узнают, насколько страшен бывает наш гнев.

Теперь я хочу услышать от тебя, храбрый Схед, и от вас, уважаемые вожди, сколько воинов мы можем выставить, как обстоят дела у нас с вооружением.

– Уже через три дня, правитель, под твоими знаменами будет порядка пяти боргов*, – бойко отрапортовал Схед.

– Громко сказано! Твои вояки могильщики разбегутся при первом же хорошем сражении, – вставил свое едкое замечание Хартиф. Схед проигнорировал этот справедливый выпад вождя иртов, не ответив на него, но слова Хартифа заделали его, как и улусов рогланов, которые недовольно зашипели, за живое.

– Мы знаем, что наши младшие братья могильщики не самые сильные воины, но их численность все же может быть нам полезна. Их вид и количество испугают любого врага, – попытался сгладить замечание Хартифа Таньяг. Надеюсь, они покажут свою и твердость духа.

– Урсан, твои волки могут обезопасить нас от животных людей, на которых они восседают верхом, сколько серых братьев будет с нами в походе?

– Больше сотни, отец, звери, если их не кормить, порвут всех на части, только покажи им добычу, – ответил, хищно прищурившись, Урсан.

– Я думаю, мы сможем выставить около двухсот крепких воинов с нашего племени, – после небольшого раздумья, как бы размышляя сам с собой, произнес Фод.

– Сто иртов пойдут за мной, – вслед за ним твердо пообещал Хартиф.

– Сто дарсов, пожалуй, под силу набрать и нам, – решительно заявил Хрид,

– Ну и мы не останемся в стороне, – поддержал его Тольген, – тоже поведем за собой сто.

– И еще, надо полагать, тысячи полторы охотников, тех, кто умеет хорошо обращаться с луком и пиками, мобилизуют все гермы вертов, – добавил Схед, ведь так? – дожидаясь ответа, он испытующе, сурово посмотрел на князя Умака. Тот отвел глаза в сторону, пробурчав что-то невнятное, затем нерешительно кивнул, со стороны это выглядело весьма забавным.

– Вот это да! Внушительная сила, – разгорячился от азарта Схед, – мы сотрем их в пыль.

– Кто будет командовать над всеми иртами? – улыбаясь, спросил Хартиф.

– Вот ты и будешь, – распорядился Таньяг, – а все верты перейдут в общее подчинение Талыку.

Наступать будем с двух сторон, с юга выступят отдельной армией могильщики под командованием Схеда. Смотри сюда, – обратился он к нему и начал чертить на земле.

– Вы обогнете реку памяти и долину дождей, затем углубитесь во владения людей. Отправляйтесь налегке, с собой только небольшой походный запас провизии на несколько дней. Все кланы пусть идут под своими знаменами и штандартами. В маленьких поселениях людей не задерживайтесь, не поддавайтесь соблазну, не набивайте свои сумки трофеями, повторяю, в них должен быть только необходимый запас пищи и камней для пращей, это касается прежде всего могильщиков, – повысил голос Таньяг, – добычу вы заберете на обратном пути.

Проблем с местами для разбивки лагерей, водой, думаю, у вас не будет, небольших речушек там много. Я с объединенными отрядами иртов и вертов буду наступать с северной стороны. Встретимся с вами на месте, которое мы называем полем радости. И потом вместе двинемся к их главному логову. Помните, наша цель – большое поселение на западе. Там и живет главное зло. Думаю, что до встречи наших отрядов настоящего сопротивления нам

еще не успеют оказать, – подытожил вождь. Когда наши войска соединятся, – добавил он, – общее командование я возьму на себя.

– Если окажут вообще, —самонадеянно хмыкнул Схед.

– Люди, хитрый и коварный противник, не надо недооценивать их, – осторожно заметил Талык.

– Каждый наш охотник стоит десяти, а то и двадцати их воинов, – гордо вскинул голову правитель рогланов.

– Что это за поле радости такое? – изумленно молвил Альдар. За свою небольшую жизнь он никогда не покидал пределы своего Сувкара и теперь жадно впитывал слова старших.

– Луг, усеянный божественными растениями, цвета крови, они дурманят своим ароматом не только женщин, но и мужчин. В них, говорят, живут невидимые лесные духи, которые насылают на тебя сладкие сны. Сновидения почти не отличимые от реальности, в них осуществляются все твои самые потаенные желания и мечты, но горе тому, кто не устоит соблазну и вовремя не покинет это поле, он рискует остаться там навсегда. Если твое тело скует тяжесть и закроются твои веки, они уже не откроются больше никогда. Ты заснешь и погибнешь – фриганы* утащат в свое царство мертвых твое тело, а на следующий день, как говорят, вместо тебя вырастет еще один прекрасный кровавый цветок.

– Не спи, не верь своим глазам,

– То, что ты видишь, все обман.

– Лесные феи ждут тебя.

– Когда оставит тебя сила,

– Там ждет тебя твоя могила.

– Уснешь, умрешь в своих мечтах,

– Тебя утащат в подземелье,

– И жить лишь будешь ты в цветах,

– Да в сновиденьях.

– Особенно красиво там летом, – мечтательно вздохнул и потом громко рассмеялся Хартиф. Слушающие его дарсы удивленно посмотрели на него, а Альдар, не ожидавший такого проявления поэзии со стороны Хартифа, даже открыл рот.

– Не бойся, юноша, в такое время эти чудесные растения не цветут, да и фриганы вряд ли захотят связываться с несколькими тысячами вооруженных до зубов голодных рогланов вместе с их храбрым предводителем.

Святую рошу потряс громкий хохот дарсов. Скалили зубы все, кроме самого Схеда, который с негодованием посмотрел на Хартифа, но больше всего отдавали смехом должное поэтическому дару князю иртов, Аркан с Кирби.

– А вы, мои неразлучные друзья, останетесь дома, – обратился к ним Таньяг и твердо добавил:

– Без всяких разговоров, ваше присутствие будет куда нужней здесь.

– Ну вот, самое интересное и произошло, – пробормотал с обидой тролль, – теперь можно отправляться спать.

– Отцу видней, он не может рисковать сразу двумя своими сыновьями, мной и Урсаном, поэтому мы и остаемся, да и у него есть обязательство перед твоим отцом, королем горных троллей, – попытался найти объяснение случившемуся растерянный Аркан, хотя понял, что для тролля оно звучит неубедительно. Да и для него самого это известие было громом среди ясного неба. Ведь он уже мысленно был там, на поле брани, в самые гуще сечи мечей, его воображение рисовало, не скупясь на краски, яркие картины, предстоящие битвы, геройские подвиги, и еще он безумно хотел увидеть другую жизнь, ту, о которой так много был слышан, – жизнь людей. Странно, он сам не мог понять, почему это всегда его занимало и было ему интересным.

Аркан искося взглянул на Кирби. У того был весьма жалкий вид. Великан тяжело переживал нанесенную ему обиду, он как-то неестественно сгорбился, его глаза смотрели под ноги, а под нос Кирби бормотал что-то невнятное. Между тем душевные переживания, которые испытывали друзья, остались незамеченными для других. Они были поглощены обсуждением предстоящего похода. Мысли Аркана вновь вернулись в Священную рощу, где продолжал идти оживленный разговор.

– Мудрый правитель дарсов разрешит нашим могильщикам во время большой охоты на людей подкреплять свои силы человечинкой, – ухмыльнулся, жадно облизывая губы длинным шершавым языком один из улусов могильщиков Ячта.

– Во время великой охоты, я снимаю с вас все запреты, поступайте, как посчитаете нужным, но только после боя.

– Хорошая новость! – буквально взревел от радости Ячта. – Моя Гекла хорошо засаливает человечину, – скалился он. Сидевшие рядом с ним Зечта и Вукла тоже одобрительно заурчали.

– Мы и наши семьи будут сыты надолго. С собой мы привезем много еды!

Бронг с отвращением поморщился и брезгливо отодвинулся от сидевших рядом с ним могильщиков:

– Как можно жрать такую мерзость! – выдавил он из себя.

– Человеческое мясо самое полезное и питательное, все недуги обходят тебя стороной, если ты регулярно употребляешь его, особенно, если это плоть молодая, – подхватил излюбленную тему для разговора улус рогланов Зечта, раскосые глаза которого просто горели.

– Сладкая, нежная, сочная, и в любом виде она прекрасна, сыром, жареном, вареном, копченом, – закатив глаза продолжал урчать могильщик. Бронг презрительно посмотрел на роглана и смачно сплюнул в сторону.

Приближался рассвет. Край неба загорался светом утренней зари. Уже догорели костры, разоженные в священной роще, потух и самый большой из них, у каменного изваяния бога Майру. Перед тем, как погаснуть, пламя, собрав последние силы, вздрогнуло, взметнулось вверх, и тут же обессилев, пало, погаснув, оставив после себя сиротливо тлеющие огоньки.

– Итак, братья мои, мы все решили, через три дня по полудню отряды иртов и вертов собираются в Явдавкесе, – вставая с земли, уставшим голосом отдал последнее распоряжение Таньяг.

– Правитель, я был бы очень признателен, если бы вы и другие великие из рода дарсов, отдохнули в моих покоях и разделили со мной скромную трапезу, – наконец, дождавшись своего часа, обратился ко всем пожилой князь иртов Гланли.

– Я думаю, от такого приглашения никто не откажется, – бойко ответил за всех Схед, и добавил со свойственной ему прямоотой, – ночка выдалась долгой, не знаю, как вы, а я сожрал бы сейчас целиком сомалинского вепря. Мое брюхо просит его набить, и я с удовольствием выполню эту просьбу, а потом еще немного посплю. Его совету незамедлительно последовали и другие. В священной роще остались только жрецы бога Майру, задержался в ней и Таньяг. Нужно было найти какие-то слова утешения, чтобы объяснить мудрому старцу Харгрину, почему он поступил вопреки ему. Ведь сегодня ночью впервые за долгие лета власть Харгринина, дарованная ему, как считали дарсы, небом, и его авторитет пошатнулись. Просьбы лонвилля были оставлены без внимания, мало того, вожди со злобой отнеслись к тому, что он их всячески отговаривал.

– Ты же знаешь, – несколько виновато разводя руками, как бы оправдываясь, обратился Таньяг к верховному жрецу, – я не мог поступить иначе и пойти против всех. Наша судьба уже определена и не нами. Паутина жизни давно сплетена. Что должно произойти, не изменить.

– Ты поступил опрометчиво, вождь. Своей властью ты мог бы убедить Схеда, Хартифа и всех остальных, у кого место разума сегодня занял гнев, одуматься, но ты пошел у них на поводу, так как не смог стереть в своей памяти личную обиду, которую нанесли тебе дав-

ным-давно наши соседи. Твои раны на сердце никак не заросли, хотя прошло уже немало зим. Ты не смог простить и жаждешь мести. И ты пожалеешь о своем поступке, но будет уже поздно.

Сегодня ради себя ты положил на жертвенный алтарь весь наш народ. Вы пошли против воли богов, и они накажут всех вас, а теперь хватит слов, прошу тебя, оставь меня одного, – в глазах у Лонвилля стояли слезы, он отошел в сторону.

Не думал Таньяг, великий вождь дарсов, не мог он и предположить, что с этого момента действительно начнут исполняться предсказания великой книги дарсов, и судьба целого народа, столетиями жившего на этой земле, и не знавшего больших бед, будет подвергнута жестоким испытаниям.

Глава 5. В ней автор знакомит читателя подробнее с дарсами

А теперь, дорогой читатель, я позволю себе небольшое отступление. Настало время рассказать тебе о дарсах, об этом удивительном лесном народе, его истории, быте и традициях.

До великого переселения, в стародавние времена все дарсы жили на так называемых свободных, не занятых землях. Мы еще затронем тему великого переселения, и ее причины, но немного позже.

Их цивилизация, как рассказывают легенды, уходит корнями в глубокую древность. Мы не знаем о точной численности этого народа, но можем предположить, что до того времени, когда многие дарсы покинули свою страну в поисках новых земель, их было несколько десятков тысяч.

Нам известны четыре крупных племени дарсов, это смерты, герты, верты, ирты. Позже к ним присоединились могильщики, – рогланы.

Каждое племя было по-своему уникально, смерты были настоящими воинами, и исключительно они отвечали за безопасность страны. Герты – прекрасные мастера и строители. Ирты, верты – охотники, рыболовы, они обеспечивали весь народ продовольствием.

Дарсы охотились на все, что могло служить им пищей. Мясо и рыбу они запасали впрок, вялили, солили и коптили. Звериный мех и шкуры были для них хорошей одеждой. Как выглядели дарсы? Прежде всего нужно отметить великолепную физическую силу мужчин дарсов. Почти все они были высокого роста, подтянутыми и атлетично сложенными. Для некоторых мелких народов дарсы были просто гигантами.

Среди них редко встречались толстяки, по причине того, что их мужчины сызмальства были приучены к подвижному образу жизни.

– Поменьше ешь и спи, больше двигайся, – вот был один из своеобразных девизов дарсов. Дарсы имели вытянутые, скуластые лица, острые длинные орлиные носы, несколько широкие вздернутые кверху рты, и крупные зубы, у некоторых вертов были даже небольшие, но острые клыки.

В отличие от многих других народов, населявших холодные земли, у дарсов был темный, а у некоторых с красноватым отливом цвет кожи. У них было прекрасное зрение, они великолепно видели ночью. Считалось, что их кошачьи глаза зрели ничуть не хуже, чем у самих ритонцев, маленького ночного народа.

Слух у дарсов тоже был на высоте, все эти способности, которыми их наградила матушка природа, или, как они считали, бог Майру, умение видеть невидимое для других, хорошо слышать, быстро бегать, делали зверя беспомощным перед ними. Внешне мужчин дарсов можно было даже назвать довольно симпатичными, хотя, по правде говоря, так только считали их женщины, для остальных народов они выглядели уродливыми монстрами.

Впрочем, так отзывались о других и сами дарсы, но если быть объективным, то красота – была не главная примечательность этого народа, хотя, к примеру, дарсы из племени иртов выглядели намного приятнее своих звероподобных собратьев смертов. А их женщины по праву считались самыми завидными невестами и были нарасхват.

О! Женщины иртов, помимо внешних данных, владели секретами приготовления великолепных блюд, а также прекрасных горячительных напитков. Говорят, они получались особенными, когда во время их приготовления в лунные ночи они пели. Ну и в знахарстве женщины дарсов были на высоте, они изготавливали такие различные снадобья и бальзамы, которые были способны заживлять самые сильные раны, затягивать глубокие рубцы, снимать всякую боль. И вообще у этих племен была отличная сопротивляемость к различным болез-

ням, может быть из-за того, что они с детства пользовались различными травами и настоями, которые поднимали дух и очищали тело.

Некоторые из их обычаев вам могут показаться странными: так воины смерты перед сражением пили кровь медведей для храбрости и натирали ей своё тело. Верты ели сырую землю, ибо считалось, что, вдоволь насытившись ей, в предстоящем бою можно избежать гибели. Безусловно, у дарсов было другое мировоззрение, и, как может показаться многим, другие ценности. Так подвергая пленных врагов страшным пыткам, отрезая у них разные части тела, они вовсе не тешили свою кровожадную сущность. Таким образом, они оказывали своеобразное уважение жертве. Предания рассказывают и о своеобразных ритуальных казнях. В годы засухи, например, своих пленных дарсы привязывали к столбам пыток и кидали в них дротики. Кровь, стекавшая из ран жертвы для них, олицетворяла дождь.

Обычно в племенах все было примерно одного цвета. Они носили одежду из выделанных звериных шкур, имея склонность к темно-серым тонам. Дарсы жили в кортанах, так они называли свои жилища, которые строились из стволов тонких молодых деревьев. Крыша и стены также покрывались звериными шкурами. Зимой они утеплялись, их пропитывали жиром животных. Постелью им служил речной тростник.

Речь дарсов была очень трудна. В те же стародавние времена каждое племя дарсов говорило на своем родном языке, но потом, чтобы облегчить общение, они пришли к единому языку, назвав его кавергинским. Могу вас заверить, если бы вы захотели выучить их язык, то потратили бы на это многие годы. Один мой знакомый, имеющий способность к изучению различных языков древних народностей по старинным манускриптам, пытался попробовать выучить язык дарсов, но вскоре разочаровался и бросил, поняв, что это бесполезное занятие.

Дело в том, что в языке дарсов чтобы правильно произнести слово и добиться нужного смысла, необходимо было знать, каким тоном его следовало произнести, одно слово могло иметь 8—10 разных значений, и, конечно, если оно было произнесено не так, получалась полная ерунда.

А потому язык дарсов был практически не изучаем для других, хотя все же находились представители других народов, постигших его. Зато сами дарсы, обладая великолепной памятью и усвояемостью, легко владели чужими языками. Многие из них хорошо говорили на свирейском, (общий лесной язык), лакирийском, элларском. Удивительно, не правда ли?!

В семьях у дарсов не было ограничения на рождение мальчика, это и понятно, он, повзрослев, становился главным добытчиком, а вот девочек можно было иметь только одну, зачастую умерщвляли первую, принося младенца в жертву какому –нибудь богу, чаще всего Жергуру*. Правда, это происходило всегда с разрешения родителей, но они, как правило, были согласны. Этот жестокий обычай уходит корнями в глубокую древность, судя по всему, такие законы были изданы во времена голода или, скорее всего, для поддержания равновесия в племенах, так как мужчины частенько гибли во время охоты или войн.

Если в семье вслед за первым младенцем, принесенным в жертву, рождалась снова девочка, её окропляли водой со священного источника, давали имя – она уже считалась членом семьи, после чего её убийство расценивалось бы как преступление.

Часто своих детей дарсы с 2-х летнего возраста отдавали на воспитание и содержание старейшинам племени. Те учили их азам охоты и воинскому делу.

В тринадцать лет мальчики дарсов проходили подготовку на выносливость, силу, храбрость в специально отведенном для этих целей месте – городе смелости. Если молодой дарс проходил испытания, он считался мужчиной, и ему разрешалось завести семью. Если же нет, то он становился объектом насмешек, а его семья – позора, но таких случаев было очень и очень мало.

Сами же испытания были отнюдь не шуточными, так группе молодых дарсов – смертов, например, без оружия приходилось справляться с разъяренным голодным медведем. Иногда

такая проверка на храбрость заканчивалась для некоторых из них трагически. У иртов и вертов испытания были попроще. В завершении юноши морили себя голодом в течении недели, им было запрещено есть.

К сожалению, дарсы жили очень мало. Средняя продолжительность жизни составляла у мужчин порядка 40—45 лет, а учитывая суровые условия, войны (в глубокой древности их было много), и того меньше. Женщины жили дольше. Нормальным считалось, когда женщина, потерявшая мужа, выходила замуж за его брата или другого родственника. А вот жрецы культа бога Майру, были случаи, доживали и до глубокой старости. По всей видимости, они знали секрет долголетия, но не открывали его простым дарсам.

В разных племенах у этого народа были разные обычаи захоронения своих умерших, в большинстве своем они предавали их тела земле. Сжигали только в тех случаях, если они были сильно обезображены, считалось, что покойнику нельзя было предстать перед создателем в таком виде, но даже в этом случае все равно пепел помещали в мизу*, которую потом опускали в землю.

Хоронили дарсы своих знатных родичей, вождей племен, лучших воинов, жрецов в специально отведенном месте – Хзенаде, городе мертвых.

Попасть в Хзенад могли только самые достойные из рода дарсов. Не отмеченных воинской или иной доблестью, а также не из знатного рода, погребали в обычных местах, отведенных под захоронения. Смерты и герты, например, хоронили своих мужчин отдельно от женщин, у них существовали женские и мужские места захоронений, верты закапывали мужчин глубже, чем женщин. К самой смерти муж и жена готовились сразу же после того, как начинали жить вместе. Каждая женщина готовила для себя и мужа катхашуп, вещи, необходимые для погребения: самую лучшую одежду, а также другие предметы быта, которые понадобятся там. Так в каждом кортане* хранился неприкосновенный запас пищи, который тоже должен обязательно быть при погребении у покойника, так как дорога тому в другой мир ожидалась долгая, и он мог бы проголодаться.

Ирты, например, когда предавали тела своих соплеменников земле, остригали им волосы и носили их как талисманы постоянно с собой. Те же ирты с лиц своих покойников на память об усопших снимали глиняные маски. Во время какого-нибудь праздника они даже одевали их на себя. Глиняный слепок обычно находился в кортане, на том самом месте, где любил сидеть покойный. Это делалось, видимо, для того, чтобы показать, что вся семья в сборе.

Очень необычными были погребальные обряды детей у древних вертов. Если в семье вертов дети умирали часто, то выбиралось толстое дерево, у которого выдалбливалась сердцевина. Умершее дитя клали внутрь и закрывали. Смысл сего действия состоял в том, чтобы не допустить ухода души ребенка в страну мертвых, ибо считалось что тогда другие дети не будут умирать.

В стародавние времена места погребения у всех дарсов выбирались жрецами при помощи бросания ножа, или им помогал священный зверь этого народа – волк.

Волк! Этот совершенный хищник был настоящим божеством для дарсов. В его загадочных зеленоватых зрачках горит завораживающий огонь, а от жуткого ночного воя леденеет кровь!

Необычная сообразительность, сверхчувственная способность волка улавливать тайные мысли, его сила, храбрость - все это изумляло дарсов.

Приручение этого хищника дарсами – достижение величайшее. Известно, что волки почти не поддаются дрессировке. Они боятся унижения больше, чем боли! Волк умеет быть благодарным, и если он полюбит хозяина, то будет любить его беззаветно, самоотверженно и жертвенно на всю жизнь. И волки полюбили дарсов! Они платили им сторицей, охраняя дома, помогая в охоте, в войнах. Постепенно произошло одомашнивание этих животных. В ответ для всех племен охотников зверь по имени волк стал священным. За беспричинную смерть

волка, как чужакам, так и самим дарсам грозила смерть. Особые отношения с волками были у мужчин из племени иртов. Все они носили талисманы и татуировки с изображением волчьей головы, называли его Серым Братом и хоронили с почетом. Существовал даже отдельный вид награды-орден волка.

Считалось, что одно присутствие волка отгоняет зловредных демонов. Шаманы дарсов – в своих обрядах подводили к больному соплеменнику волка и заставляли того посмотреть в его лицо. Этот обряд назывался мул-сив*, так как считалось: волк – единственное живое существо, взгляда которого боится злой демон, и иногда свершались чудеса, больной выздоравливал!

Дарсы жили несколько замкнуто, хотя и вели торговлю с многими народами, проживающими на холодных землях. Но ни с кем из них, кроме одного, горных троллей, они не были дружны.

Немногочисленные племена гигантов троллей тоже не питали теплых отношений ни к кому. Людей, элларов, хревов они считали зловредными существами, мешающими им жить. В чем кроются дружеские отношения между дарсами и троллями, вот вопрос, над которым частенько ломали голову знатоки древности. Может быть язык? Тролли, говорили на похожем с дарсами языке, во всяком случае, понимали друг друга. На эту тему строились различные предположения, одно из которых заслуживает внимания.

Эта смелая, на мой взгляд, версия гласит о том, что дарсы и тролли ранее принадлежали к одной родственной группе. Не знаю, что тут сказать. Может, так оно и было. Во всяком случае, эти народы уважали друг друга. Дарсы частенько потчевали троллей своими трофеями, когда жили по соседству с ними, а те в свою очередь ранее помогали им осваиваться на новых землях, строили их дома.

Я рассказал вам лишь немного об этом удивительном народе, имя которому – дарсы.

В следующей же главе, дорогой читатель, ты узнаешь, что стало причиной их великого переселения со свободных земель.

Глава 6. (Великий исход)

Многочисленные племена дарсов пришли в эту страну несколько столетий назад. Если судить по элларскому летоисчислению, это был 1251 год второй поздней эпохи.

Ведомые своим вождем Янгасом дарсы явились в страну гор, верхушки которых покрыты вечными снегами, дремучих лесов, кроны деревьев которых подпирают небо, и быстрых разговорчивых рек с востока. Долог и труден был их путь. Они шли по побережью моря смертов, именуемого еще и водами жизни, прошли земли, которые назывались проклятыми, им на пути встречались развалины древних цивилизаций, останки старинных крепостей. Наконец, когда орда дарсов приблизилась к большому дикому лесу, Янгас остановил измученный многодневным переходом свой народ.

– Вот здесь мы и построим свои поселки, этот могучий лес станет нас кормить и поить, он будет нашим большим и новым домом, – сказал он.

Почему же дарсы были вынуждены покинуть свою родину и отправиться на поиски нового места для жизни?

Раньше по другую сторону моря жизни жили разные по своему составу племена дарсов. Огромная империя была общим домом для гертов, смертов, вертов и иртов. Было удивительно, что они, совершенно не похожие друг на друга как внешне, так и по укладу жизни, долгое время, а общая история дарсов насчитывает ни много ни мало, более тысячи лет, жили в мире, подчиняясь одним законам, написанным в глубокой древности, и одному справедливому «каноту», * не принадлежавшему ни к какому из племен.

Трагедия общего переселения заключается в клановой борьбе представителей различных племен. Все произошло после того, как старый правитель умер, не оставив приемника. Вот здесь то наглядно и проявилась вся разнородность дарсов, началась борьба за власть, в итоге которой страна поделилась на два лагеря, с одной стороны – смерты и их ближайшие родственники – герты, с другой – ирты, союзниками которых стали верты.

Смерты считали себя избранными, а потому верховный правитель Дарсии, как они заявили, должен быть их вождь лучезарный Вурган, и не кто иной. Свою избранность они начали насильно диктовать другим, угрожая применить военную силу.

– Либо вы живете по нашим законам, либо убирайтесь с этой земли, — говорили их вожди. Численный перевес был на их стороне, да и воевать с ними было бы чистой воды безумием, смерты были гораздо сильнее, иртов и вертов, недаром они считались лучшими воинами. Воины – звери так звали их. В пылу боя они были свирепы и безжалостны, рычали, как медведи, кусали, как бешеные собаки. Облаченные в звериные шкуры они как бы на самом деле становились медведями, собаками, волками. Они никогда не отступали, а оставляли поле боя только мертвыми. Об их смелости и безрассудстве было сложено немало песен. Даже один воин смерт без раздумий шел на врагов, будь их хоть целая тысяча.

Любопытно, что даже, когда бой был закончен, некоторые смерты не сразу приходили в себя, а продолжали длительное время находиться в агрессивном состоянии; они кидали большие камни, выворачивали с корнем молодые деревья, старались выплескивать свою ярость на чем-то другом, чтобы в пылу гнева не покалечить, или, того хуже, не убить своих родных и друзей.

Таким образом, за власть между двумя лагерями развернулась нешуточная борьба, которая в дальнейшем грозила перейти в настоящую кровопролитную войну.

Итог ее был известен всем заранее. Лагерем проигравших оказались дарсы, желавшие видеть своим вождем Янгаса. Ирты, и верты не хотели быть племенами второго сорта и жить по правилам смертов, а потому огромная их орда была вынуждена спешно покинуть свои обжитые места в поисках новых земель.

Глава 7. Дарсы (новая жизнь, продолжение)

Негостеприимно встретила новая земля племена дарсов. Эту страну, которую назвали дарсы Белади*, уже населяли многие народности, и все они по-разному отнеслись к массовому приходу чужаков.

А чужаки между тем быстро осваивались, лес стал кормить их и одевать, а они становились полноправными его хозяевами.

Уже через несколько недель в нем стали появляться первые поселения дарсов, получившие названия Явдавкас, Сигбер, которые впоследствии разрослись и стали очень большими.

Дарсы никогда не занимались земледелием, да и местные суровые климатические условия – мертвая земля, камни, валуны не особо способствовали этому занятию, а потому, что не хотела приносить земля, в изобилии давали им лес и вода. Охота и рыбная ловля, как и прежде, стали основным промыслом их жизни. Реки и озера были полны рыбой, лес – диким зверем, орехами, грибами, ягодой.

Но этот лес, который дарсы назвали Вермским, что на их языке означало богатый, считали своим и воинственные племена хревов – маленьких заросших волосами существ, с ногами, похожими на козлиные, живших в недрах черных исполинов гор, вершины которых подпирали небеса. Черные горы иногда называли ещё и горами мертвых снегов.

Первое серьезное столкновение с ними произошло спустя несколько месяцев после прихода дарсов, хотя то, что за ними постоянно следят десятки наблюдательных и любопытных глаз, дети Майру заметили сразу. Об этом тут же доложили Янгасу, который со своими приближенными в тот день был занят вырубкой деревьев.

– Пусть смотрят, – не прекращая работы, с достоинством ответил тот, – пусть смотрят и видят нашу силу, скоро они поймут, что мы пришли сюда навсегда.

Ирты, и верты, конечно же, были не такими кровожадными и воинственными, как их родичи смерты, для тех война была главной целью в жизни, звон мечей и пенье стрел – большим праздником, но и они доказали, что мешать им, стоять у них на пути, или того хуже, выступить против них с оружием в руках – будет большая ошибка.

Первыми, кто испытал на себе силу дарсов, был разведывательный отряд хревов под командованием Базилика.

– Выгони их из моих владений, и притащи мне парочку этих существ, я хочу поразвлечься с ними, – давал наставления Базилику, обрюзгший рыжебородый правитель козлоногих Бескован.

Развлекаться вскорости пришлось над самими хревами. Около сотни облаченных в тяжелую защитную амуницию воинов решительно выступили со стороны Черных гор. Они не скрывались и не прятались, как их разведчики, а потому о том, что скоро нагрянут гости, заблаговременно стало известно Янгасу.

– Гури, позаботься об этих злых коротышках, – улыбаясь, отдал распоряжение своему ближайшему помощнику Янгас. Здоровенный широкоплечий дарс, выполнявший обязанности распорядителя при вожде и бывший одновременно его верным слугой, только фыркнул от удовольствия.

Был жаркий полдень, мужчины дарсы продолжали работы по валке леса, женщины обустроивали жилища, готовили еду, носили воду из реки. Со стороны могло показаться, что они полностью заняты делами и не думают ни о чем другом. Но наблюдательному глазу могло показаться странным, что куда – то подевались дети, не слышно их голосов, и что женщины ведут себя беспокойно. Они несколько пугливо оглядываются по сторонам, вполголоса переговариваются между собой.

Базилик решил действовать нахрапом, он был уверен, что один бравый вид его головорезов, остроконечные шлемы которых были украшены рыжими лисьими хвостами, а их рожи боевой раскраской испугают кого угодно. Он имел право так думать, ведь его воины прошли с ним огни и воды, воевали долгие годы с элларами, принимали участие в карательных акциях по подавлению мятежа в городе Муралок в Ринецморе*. А потому без всякой подготовки, предвкушая успех, хревы шли вперед, горланя песни.

К великому же удивлению Базилика, чужестранцы не только не испугались, а сразу, как по команде, достали припрятанное оружие и в хревов полетели точно нацеленные короткие копья, камни, стрелы. Стрелы и копья жалили их, казалось со всех сторон, даже на деревьях притаились меткие стрелки дарсов. Они попадали в самые не защищенные доспехами участки тел.

Дарсы действовали четко и хладнокровно. Хревы после первых минут паники пришли в себя и отчаянно пытались защититься своими небольшими обшитыми кожей округлыми щитами, принимая различные варианты защитного построения, но все было тщетно. Они были окружены со всех сторон, и их методично истребляли.

Ужас обуял хревов, видя, как на глазах погибают их друзья, они, обезумевши, завопили, и, побросав оружие, стали метаться по лесу. Пытаясь спасти свои жизни поодиночке, они искали спасения у деревьев, но за каждым из лесных великанов ждала их только неминуемая гибель.

Базилик лежал на земле, обхватив руками свою большую, как тыкву, голову, и покорно ждал приближения смерти, но она не спешила.

Крики и стоны его умирающих воинов становились все тише и тише, дарсы добивали раненых. На смену воплям ужаса пришел жуткий смех, казалось, будто сами деревья ожили и смеются над ним. Базилик открыл глаза, но ничего не увидел, пелена окутала их, он попытался подняться, но его трясло, как при лихорадке, подкосились ноги, и хрев сел в изнеможении. Он не сопротивлялся, когда сзади ему набросили на шею веревку и чьи-то мощные руки потащили куда — то, словно беспомощного щенка.

– Сними с него все блестящие побрякушки, подвесь за ноги, пусть этот «храбрый карлик» немного повесит и подумает над своим поведением, – приказал Янгас, указав Гури на старый дуб.

Такое унижение командующему отборным отрядом хревов никогда не приходилось испытывать. Он беспомощно барахтался на дереве, подвешенный за одну ногу, потом его травили волками, и в заключении всех унижений Базилика абсолютно голого таскал за собой на веревке, как на поводке, огромный страшный незнакомец, показывая всем как диковинного зверька.

– Оденьте ему пояс с игрушечным деревянным мечом, свяжите руки и пусть катится отсюда, – отдал последнее распоряжение Янгас, когда все, в том числе и женщины, вдоволь натешились над безобразным маленьким бородатым уродцем.

– Великий вождь, у меня никогда не было своего ручного зверя, дозвожь мне оставить это чудо природы себе, – попросил, смеясь, Ури Янгаса.

– Нет, он единственный из этих козлоногих, кто остался в живых. Наверное, его уже заждались дома, так пусть расскажет о своих подвигах, – сухо отрезал Янгас.

Униженный, подавленный, обескровленный, еле волоча ноги, предстал перед грозными глазами своего повелителя Базилик. Не сносить бы ему головы, если бы он не состоял в родственных отношениях с гурами, правящим киром* хревов.

На Бескована вид полусумасшедшего Базилика подействовал самым удручающим образом. Ему сразу почему-то расхотелось воевать с чужаками. А когда тот немного пришел в себя, его рассказы о побоище поселили в короле настоящий страх.

– Они хуже самых диких зверей, мой повелитель, они беспощадные, чудовищные монстры, не ведающие страха, – кричал тот в безумстве, изрыгая слюнями. Наш отряд они разорвали на части.

– Если чужаки смогли с легкостью расправиться с одним из его лучших командиров и отборной сотней бойцов, их голыми руками не возьмешь, думал правитель, морща лоб. – Впрочем, успокоил он себя, лес большой, даже слишком, дичи хватит всем, пусть пока живут. Лучше обратить свой взор на владения людей. С этими, я думаю, справиться будет полегче. Ну а варварам это даром все равно не сойдет, наступит день, – прошептал король, вытаращив глаза, которые засветились красноватым отливом, – им все припомнится. Они заплатят потом за каждого моего воина сотнями своих жизней. – Мы будем отравлять их реки и озера, убивать их стариков и детей, воровать и продавать в рабство их женщин, – изрыгал проклятия, разбрасывая клубками слюни король.

В дальнейшем хревы исполнили наказ своего властелина, дарсы стали для них заклятыми врагами, но сам он до этих дней не дожил. Правитель королевства Ринецмор и всех объединенных хревов, владыка Черных гор, покоритель новых земель, носки сапогов которого обязаны были целовать все хревы от мала до велика, обладатель всех мыслимых и немыслимых титулов, а попросту толстый самодур Бескован через месяц, оправившись от шока, причиненного ему дарсами, со своими сподвижниками во главе большого войска вторгся во владения людей. Венцом его авантюрной акции стало желание отобрать у королевства Хольмстейн часть территории с выходами к морю, называемого людьми – водами изобилия. Хревы разграбили и захватили рыбный поселок Торунн, истребив при этом все местное население, но затем были жестоко биты подоспевшими армиями людей.

В то время государства людей на холодных землях жили ещё дружно. Между собой их объединял тройственный союз, соглашение о братстве и взаимопомощи. А потому, когда пришла беда, все конунги направили свои дружины на помощь Хольмстейну. Как писали придворные летописцы людей, карлов было убито не счесть, их потери определялись сотнями, в плен же попало ещё больше.

В этом сражении погиб и неудачник завоеватель. Стрела, пущенная одним из ратников, попала ему в ягодицу, вызвав при этом большую потерю крови. Простые пленные козлоногие после месячного содержания в лагере заключенных Сагредоке были отпущены домой. А зачинщики войны сподвижники короля хревов, и его сын Плудин Молчун, были определены на пожизненное пребывание в тюрьму Грабнисмир, откуда они, спустя несколько лет после своего заключения, совершили побег, что было невероятным для всех, так как считалось, что из каменного мешка, каким являлся Грабнисмир, сбежать невозможно.

Глава 8. В которой автор продолжает рассказывать о днях, давно минувших, а также познакомит вас с некоторыми народами, населявшими Холодные земли

Прошло несколько месяцев с тех пор, когда великий Янгас привел племена, иртов и вертов на новые земли. Дарсы освоились на новой территории быстро, они отстояли её в битве с хревами, заставили себя уважать и другие народы, населявшие эту страну.

Ну а она была родиной для многих, подчас чудных созданий. На западе холодных земель простиралась владения людей. Три небольших королевства Хольмстейн, Вестгейр, Химинхейм, омываемые водами изобилия, были образцами независимости мощи и своего рода превосходства этой расы в культурном, техническом и военном отношении над остальными.

Говорят, раньше на всей этой земле, существовала огромная человеческая цивилизация, раскинувшая свои владения с запада до востока. О том, что легенды говорят правду, свидетельствовали – старинные развалины крепостей и поселений, встречавшиеся то там, то здесь. Что стало с ними, почему исчезли их государства, никто не знает.

Новые поселенцы пришли на эти земли с моря. Они оставили свои корабли, когда деревянные столбы с изображением их богов прибило к берегам этой северной страны. Произошло это более 600 лет назад, по их летоисчислению, а привел свой народ в неведомую страну человек по имени Эйрик. Он назвал эти земли Свельланд*.

И это действительно было так: суровый климат, валуны, густые леса, бедность почв – мало благоприятствовали занятию земледелием. Но люди выжили. Эйрик собственноручно заложил камень в основание города, которому дал имя Торгард. На этом месте и стали возникать дома людей.

Вначале их жилища были ветхими. Они строились из прутьев, обмазанных глиной. Крыша обычно покрывалась соломой. Каркас дома поддерживали деревянные столбы, покрытые резным орнаментом. Но шло время, рос Торгард, более крепкими становились и дома людей, на смену соломе и дереву постепенно стал приходиться камень.

Вслед за Торгардом возникли другие города и поселения: Нюргард, Струдгард, Норлис, Литгард, королевство Эйрика стало именоваться Хольмстейн.

Конунг Эйрик, как рассказывают древние предания, был самым справедливым среди первых правителей. От своего благодарного народа он получил много прозвищ, характеризующих его как хорошего человека. Как его только не называли: строитель, добрый, справедливый, заботливый. Не забывал Эйрик о своих людях, которых щедро одаривал кольцами. За что и получил новое прозвище, которое осталось за ним навечно – щедрый.

В дни великого голода он прославился тем, что сам раздавал из неприкосновенных запасов зерно крестьянам. При нем людские владения стали расширяться в глубь северной страны.

У конунга Эйрика, когда он обосновался на этих землях, было двое сыновей- Бьерн, и Старкад. Позже его супруга Герда родила ему третьего, Ивара.

Перед своей смертью Эйрик Щедрый завещал старшему сыну Бьерну южную часть своих земель, на границе с которыми возвышались массивы небесных гор, среднему Старкаду- центральную часть королевства, богатую реками и озерами, и младшему, самому любимому, северную, более обжитую. Так и образовались на этих землях три королевства людей: Химинхейм, Вестгейр, Хольмстейн.

Долгие лета люди, населяющие их, жили одними радостями и бедами, вместе составляя, по сути, единое целое государство без границ. Наряду с личными штандартами конунгов, флаг с тремя изображенными на нем коронами развевался в каждом из этих королевств.

Так продолжалось до тех пор, пока к власти в королевстве Вестгейр, не пришел человек по имени Храфн, в дальнейшем прозванный в народе Меченым. Он был конюхом при прежнем правителе. Воспользовавшись слабой властью законного правителя Храфн со своими сообщниками путем силы и коварства захватил трон Вестгейра. Конунг Олаф Тихий был казнен, заговорщики обвинили его в том, что при его правлении государство стало слабым и полностью зависящим от Хольмстейна. Возмущенные произошедшим в Аудбьерге, столице этого королевства, конунги других земель разорвали всяческие отношения с Вестгейром, тогда – то и распался тройственный союз – так гласят легенды.

В новом государе – самозванце, казалось, были собраны все человеческие пороки. Молвили, что этот злобный, маленький, желчный человек, которого создатель, словно стараясь предупредить других, как шельму, пометил огромным темным родимым пятном на голове, продал свою душу темным силам, а взамен от них получил могущество. Храфн повсюду, где он установил свое господство над страной, присвоил себе всю возделанную и невозделанную землю и воды. Он сделал тех, кто работал на суше и на море, своими рабами, обложил их немислимыми сборами.

В каждой области Меченый поставил по ярлу, которые рьяно принялись обдирать народ, забирая у него последнее.

Неимоверные штрафы, непосильные налоги, постоянные казни, голод, смерть и усиление военной мощи Вестгейра, вот о чем повествуют трагичные для его народа годы правления Храфна.

Его дружинники – Королевские вороны участвовали в бесчисленных набегах на своих крестьян. Порой земледельцев казнили только за то, что они отвешивали недостаточный низкий поклон своему господину. Белое знамя Вестгейра с черным вороном навевало на всех ужас.

При нем же были начаты завоевательные походы, посланы карательные экспедиции против других лесных народов, проживавших на холодных землях.

Немудрено, что люди, жившие в Вестгейре, стали уходить целыми семьями в соседние королевства. Началось паническое бегство простого люда. Чтобы воспрепятствовать этому, Храфн закрыл все границы государства, превратив некогда прекрасный Вестгейр в обитель бесправия и зла.

Храфн Кровожадный обложил данью слабое в военном отношении королевство Химинхейм, потом напал на других своих соседей, но дружины хольмстейнцев и его мужественное ополчение, а на защиту своего государства поднялись все, от мала до велика, сумели отстоять свою независимость и отбили наступление войск Храфна.

От кровожадного самозванца правителя жестоко пострадали и другие народы, населявшие центральную часть Свельланди, но больше всех – зорфи.

Эти маленького роста 3 – 3,5 фута и весом всего 40 до 45 фунтов по сути безобидные существа, лишились части своих владений, которые отошли к Вестгейру, и были вынуждены платить огромную дань, захватчикам, основу которой составляли драгоценные украшения и оружие, сделанные руками искусных мастеров этого народа.

Зорфи были в этой стране, кажется, целую вечность, некогда вместе с ними бок о бок жили известные уже вам хревы. Говорят, раньше это был единый народ. Трудолюбивый, талантливый и забавный.

Зорфи повсюду были известны как изобретатели, искусные кузницы и ремесленники, Цвет их кожи серо-коричневый, волосы у них были разных цветов, но считалось, что у исконно чистого зорфи волосы должны быть темными и кучерявыми. Мужчины предпочитали носить короткую, тщательно подстриженную бороду. Цвет её определял принадлежность к тому или иному киру* зорфи, а также, кем был этот человек, чем занимался. Зорфи носили забавные кожаные кафтанчики, плотно облегающие их тела, а также одежды ярких тонов. Ее они частенько украшали вычурными нашивками с изображением окружающего их животного мира

и драгоценностями. Они очень долго оставались детьми, частенько невозможно было определить, сколько лет тому или иному мужчине или женщине, может быть, двадцать, а может, уже и пятьдесят. Жили они, как казалось всем, бесконечно долго, может быть, 300, а может, и того больше лет, радуясь и никогда не унывая в своих уютных норках.

И вот этот жизнерадостный народ, когда-то сумевший вместе со своими покровителями элларами выгнать в пещеры и под землю своих злых братьев хревов, теперь был вынужден больше плакать, чем смеяться. Но, как и раньше, в тяжелые для них времена, когда беспощадный враг пришел в их леса и долины зорфи, ритонцы и амастаки вспомнили о своих лесных заступниках благородных из всех лесных народов – элларах.

Эллары, как и зорфи, жили в северной стране многие столетия. Этот народ был воплощением самого изящества и красоты. Все, и даже люди, считали их необычайно красивыми.

Лесные эллары были бледнокожи и светловолосы, с глубокими небесного цвета глазами. Они жили в центральной части холодных земель, в густых лесах, в прекрасных деревянных и каменных домах небольшими кланами.

Их скрытые деревни хорошо сочетались с деревьями, практически не причиняя вреда лесу. Найти их в дремучих зарослях леса было невозможно. Эллары трепетно относились к лесу и тщательно его оберегали. Они не имели волос на лице и теле и не украшали себя татуировками, считая, что это портит кожу.

Из одежды предпочитали теплые куртки и жилеты, вещи из мягких тканей. Несмотря на кажущуюся легкость, это об их одежде говорили, что она надежно защищала своего владельца от стрел и копий, а рубахи излечивали от любых болезней. Многие эллары, как говорят, знали язык животных и птиц, владели секретами природной магии.

Рассказывали, что их старейшины могли вызывать непогоду, смотрели в будущее и знали точную дату своей смерти. Время у эллоров в их деревнях и городах текло совсем по-другому.

Одному человеку случайно удалось побывать на священном празднике эллоров амбрави*. Спрятавшись, он, замороженный, наблюдал за хороводами элларских девушек за чудными обрядами. Человеку показалось, что действие празднования длилось не больше нескольких часов, однако, когда он изрядно поплутав по лесу, вернулся домой, то оказалось, прошло более двух лет и родные уже давно сочли его погибшим.

Эллары считались превосходными воинами и самыми меткими лучниками. Состязаться с ними, даже с их детьми в умении и точности стрельбы из лука, было абсолютно бесполезным делом.

Ходили слухи, что они бессмертны, так как внешне практически не старели, это было, конечно, не так, но скажу лишь то, что они, находясь в гармонии с матерью природой, жили достаточно долго, а когда кто-то из эллоров умирал, его оплакивали все на коленях.

Как рассказывали те немногие очевидцы, которые жили некоторое время с элларами, они на всю жизнь запомнили их погребальные песни.

Никто и ничто не могло сравниться с той скорбью, которая слышалась в этих прощальных мелодиях. Эллары просили чужаков в это время закрывать уши, ибо прощальные мелодии фей имели магические свойства. Говорят, те, кто их слышал, могли потерять радость на всю оставшуюся жизнь.

В отличие от своих равнинных собратьев, – амастаков, эллары были далеко не гостеприимным народом, но своих соседей – зорфи, они искренне любили.

Еще бы, именно зорфи научили их многим секретам и прежде всего мастерству кузнечного дела. Они стали для суровых и немногословных эллоров, любимыми младшими братьями, которым прощалось практически все и ради которых физически сильные эллары могли пожертвовать самым дорогим – своей жизнью.

В истории этих народов очень многое переплетено и взаимосвязано, а потому, когда отряды Храфна Меченого начали массовое истребление зорфи, корл эллоров Визалий -III неза-

медлительно пришел на помощь своим соседям и в 1482 году второй поздней эпохи объединенные отряды элларов, амастаков и зорфи вначале разгромили войска Сигурда Горбатого, а затем и вовсе вытеснили людей из захваченных ранее земель зорфи.

В этой войне за независимость маленького народа погибло очень много элларов. Земля и деревья на долгие лета стали черными от крови – рассказывали очевидцы этих событий.

- Кровь нашу не смоят дожди,
- Кровь нашу не скроют снега
- Она останется здесь навсегда,
- Пропитана вечно ею земля.

В память о своем освобождении зорфи выковали и преподнесли корлу Визалию меч, рукоять которого была выделена серебром, а гарда -изумрудами.

На клинке были выгравированные слова «Су а рвуасми тоа гера»*.

И еще об одном интересном народе, жившем испокон веков в этой северной стране, я поведаю вам. Это были племена ухти- рогланов. Люди называли этих небольших, сгорбленных существ, ростом около пяти футов, горбунами, падальщиками, пожирателями трупов. Себя же они гордо называли рогланами. Могильщиками их впервые нарекли дарсы, впрочем, сами рогланы, которые впоследствии привыкли во всем слушаться дарсов, особо и не возражали, а после и сами так называли свой род.

Скорее всего, объяснение их названию служит то, что они, привычные к любой пище, и даже падали, частенько разрушали захоронения других, питаясь остатками умерших. Да что там говорить! Долгое время эти прожорливые существа поедали тела своих мертвых соплеменников и даже родных и близких, нисколько не смущаясь этими обстоятельствами.

У могильщиков была ярко-красная кожа, заостренные уши и острые клыки. Головы их были сильно вытянуты, с большими затылками и заостренными подбородками. Они были невероятно сгорбленными. Согнутое, словно крючок, их тело венчали длинные руки, с когтями и такие же длинные ноги. Рогланы, особенно молодые, ни минуты не могли побыть в спокойном состоянии. Они постоянно крутили головы, их маленькие живые глаза вечно бегали, а руки не находили себе места.

Многие народы, населявшие холодные земли, относились к могильщикам с явным отвращением, считая их омерзительными созданиями, порождениями сил зла. Помимо внешней неприязни, падальщиков не любили за дурной запах, который они источали. О появлении могильщика можно было заранее узнать по этому специфическому запаху. Причина здесь скорее всего кроется в том, что этот народ не любил мыться, так как считал, что немывтое тело притягивает к себе еду. На них садились паразиты, которых всеядные рогланы с удовольствием отлавливали и употребляли в пищу.

Для могильщиков везде были закрыты дороги, их травили все, кому не лень, и если бы не их удивительная живучесть, природная ловкость, быстрота, плодовитость, их женщины рожали сразу по три, пять детей, и способность приспосабливаться к любым обстоятельствам, они уже давно исчезли бы как вид. В истреблении падальщиков особо преуспели люди.

Карательные экспедиции ярла Хаука сотнями убивали, вырезали рогланов. И если зорфи спасли их вечные покровители эллары, то могильщиков под свою защиту взяли дарсы.

Вернее, они сами пришли к ним, взмолились о помощи, принесли различные дары, и здесь только можно подивиться тому, почему правящий в то время верховный вождь Врег разрешил им остаться и жить среди дарсов, ведь жалость была не присуща этим племенам.

Возможно, мудрый Врег разглядел главную и никем не замеченную положительную черту этих, казалось бы, омерзительных тварей – они могли быть очень преданными. Ну и красноватая родственного цвета кожа, здесь тоже сыграла не последнюю роль. Могильщики получили

защиту, при этом потеряли права свободного народа. Жизнь их с этого момента резко изменилась. Во многом они стали жить по законам дарсов и подчиняться их правилам. Кто не захотел прощаться со своей свободой, бросился в бега, но таких было немного. Основная масса рогланов беспрекословно подчинилась дарсам.

Им было запрещено многое, чем они занимались ранее, и прежде всего, поедать трупы своих родственников. Еще Врег повелел, чтобы в их шумных и во многом неорганизованных племенах поддерживался порядок и требуемая дисциплина, могильщиками должны были управлять дарсы.

Рогланы согласились и с этим, единственно, они попросили Врега самим выбирать себе главного улуса из числа, разумеется, самых достойных дарсов.

Так и повелось с тех пор. Могильщики хорошо прижились среди иртов и вертов, как ни странно, этот, считавшийся всеми бесполезный и отвратительный народ, открыл в себе много положительных способностей. Выносливые рогланы были незаменимы в охоте, строительстве, торговле. Относительная спокойная жизнь могильщиков тут же не замедлила принести свои плоды, их численность стала резко возрастать и тот день, когда рогланы присоединились к дарсам, стал самым значимым праздником среди этого народа. Отмечали его, правда, не так бурно и дарсы.

Холодные земли населяли и другие племена и народности, но они были так малочисленны и мало изучены, что мы немного знаем об их быте, нраве и жизни.

Глава 9. В ней пойдет речь о днях недавних, о событиях, которые перевернули жизнь в Северной стране

Таньяг был единственным сыном, а стало быть, и единственным наследником Врега, мудрого правителя дарсов. Времена правления Врега знаменуют собой положительные явления в жизни племен.

Владения дарсов расширились, выросли новые города и поселки.

Несмотря на то, что совсем рядом долгое время гремела война, в которой лесные народы защищали свою независимость от безжалостных захватчиков – людей, дарсов она никак не затронула. Врег правил долго, он намного пережил свою жену Гертебу и, находясь уже на смертном одре, прощаясь со своими близкими, подозвал молодого Таньяга, для которого прошедшая зима была 16 в его жизни и тихим, но все еще сильным голосом сказал тому:

– Мой сын, я ухожу от вас тихо и оставляю вас в мире, помни мои слова: чтобы вырастить дерево, нужны десятилетия, чтобы его срубить – мгновения, постарайся быть справедливым, рассудительным вождем, никогда не выделяйся в роскоши перед своими братьями и сестрами, добейся их уважения не властью, а своими делами.

Врег умер. Через несколько дней Таньяг стал верховным правителем дарсов. В этом же году произошло еще одно знаменательное событие в его жизни, он взял себе в жены дочь одного из князей вертов Лехвету. Все уже заранее было предопределено. Так уж повелось у дарсов, что вожди и знать иртов женились на дочерях благородных отцов из племени вертов. Простые правители дарсов: Миртал, Парх, отец Таньяга Врег, у всех них женами были достойные женщины верты. Избранных девочек из этих племен уже с самого рождения готовили к этой почетной миссии, они с малолетства знали, кто их будущий избранник, чьей женой ей предстоит стать, а потому до поры до времени ее держали подальше от мужа, обычно они жила и воспитывалась в другом поселении.

Таньяг с Лехветой прожили вместе девять лет, за это время она подарила ему сына Урсана, которого вождь отдал на воспитание старейшине иртов Рему. Таньяг уважал свою жену, она была кроткой и покорной, но вряд ли любил ее.

Впрочем, он воспринимал это как нормальное явление, женщины в жизни мужчин дарсов занимали немного времени, отсюда и такие отношения. Еще учитывая то, что мужчины этого народа очень редко сами выбирали своих избранниц, о любви, как о том прекрасном чувстве, возникающем между противоположными полами, и о котором мы привыкли судить по людскими представлениями – говорить не приходится. Зато у дарсов были крепкие семьи, не было тех проблем, которые частенько встречаются у тех же самых людей, когда любовь проходит, и остаются лишь горькие разочарования.

Не было также недопонимания, взаимных упреков, лжи, фальши, измен. Тогда зададим себе вопрос:

– А была ли вообще любовь у дарсов, способны ли они были на то чувство, которое доводит иногда человека до бессознательного состояния, граничащего с безумством, могли ли они не спать, думая все ночи напролет лишь об одном, вспоминая образ любимого, обоготворяя его или её?

Конечно же, могли! И настоящая любовь ждала Таньяга впереди.

Лехвета умерла после страшной неизвестной болезни, которая за две недели жадно выпила всю ее жизненную энергию, превратила некогда цветущую женщину в жуткую, высохшую, морщинистую старуху. Не помогли и приехавшие из Эркенга, чтобы её спасти, шаманы. Их бешенные пляски под траптапы и обладающие чудодейственными свойствами амулеты и снадобья оказались бессильны. Развел руками и всемогущий колдун дарсов Харам.

Он, тяжело дыша, посмотрел на Таньяга исподлобья и мрачно произнес:

– Я сделал все, что мог, но уже слишком поздно. Дети Ремха не отдадут ее нам, мужайся, вождь, твоя жена умрет.

Таньга овдовел. Время, пожалуй, самый лучший лекарь на свете. Во всяком случае, хоть оно и не дает, возможно, полное излечение от таких болезней, как печаль, тоска, разлука, но все же притупляет боль.

Прошло около года со дня смерти Лехветы. Дела заставила Таньга оказаться в небольшом поселении дарсов Часгене, расположенном на самой восточной окраине владений дарсов. Как и во всех приграничных селениях, в Часгене было немало проблем, требовавших немедленно их решения, да и посещение этого места было вдвойне приятным для Таньга, ведь именно здесь он провел свою юность, живя под опекой своего ближайшего родственника, правителя Часгена князя Крета.

Кред уже давно просил Таньга посетить его, но этот визит в силу тех или иных причин постоянно откладывался. Наконец вождь таки соизволил побывать в местах своего детства.

Часген встретил Таньга погруженным в туман. Казалось, что поселение находилось в каком-то волшебном забытье и было призрачным. Но как только вождь и его люди вошли в эту мягкую, седую обволакивающую пелену, это ощущение прошло. Глаза привыкли к дымке и взору. Таньга сразу же предстали изменения, которые произошли в этом некогда родном для него месте.

– Я смотрю, тут многое изменилось за десять зим, с тех пор, когда я покинул вас. Совсем обмельчало озеро, где мы устраивали охоту на молодняк птицы, раньше этих высоких стен вроде не было, да и наблюдательных вышек в Часгене стало столько, как будто вы находитесь в состоянии войны со своими соседями, – с улыбкой произнес он, – высокому пожилому дарсу, который отделился от группы склонивших в знак уважения головы старцев и распахнув руки для объятий шел к нему. Неужели малыши ритонцы объявили вам войну?

– Давно молодой вождь мы тебя заждались, понимаю, что было некогда, но как родственник все же имею право тебя немного пожурить, нехорошо о нас забывать, нехорошо. Думал умру и не увижу своего Таньга, – радостно ответил ему пожилой дарс.

– Ты уже готовишься в Хзенад? Что ж, дядя Кред, тебя там уже всю заждались, – пошутил Таньга, и они оба громко рассмеялись.

Несмотря на возраст, кого – кого, а могучего, словно дуб, Крета ни у кого язык бы не повернулся назвать старым, в кулачном бою он мог свернуть челюсть любому, не было ему равных и в других состязаниях, где требовалась выносливость и сила. У Таньга аж затрещали кости, когда его сгреб в охапку, обнимая, седоволосый правитель Часгена.

– Ну и силища у тебя, дядя, – отдуваясь от дружеских объятий, несколько смущенно оглядываясь по сторонам, проговорил Таньга, – я к вам ненадолго, завтра мы тронемся в обратный путь. Рассказывай, как вы тут живете, что у вас нового.

– Сперва, вождь, сам отдохни с дороги и дай отдохнуть своим людям, заморил всех, а уж после поговорим.

Таньга хотел сразу же возразить этому разумному предложению, но, посмотрев на своих воинов, согласился. Дарсы, сопровождавшие его, валились с ног от усталости, да и он сам ощущал необычайную тяжесть, сковавшую все его тело, а потому, только добравшись до спальных покоев князя, мгновенно уснул, провалившись в бездну, без сновидений.

Таньга спал долго, когда же он открыл глаза, то подумал, что еще спит, невиданной красоты молодая девушка, настоящая богиня Ахетру,* сидела возле него, потупив взор, и покорно ожидая, пока он проснется.

Таньга достаточно прохладно относился к своим соплеменницам, да и женщины у дарсов не отличались особым изяществом и красотой, но эта... Она была стройная, как тростинка. Огненно-красные одежды были на ней. Ярче, чем желтые цветки рацитника, были ее волосы,

нежная смуглая бархатистая кожа, темные, словно бездонное небо, ее глаза. Ни ястреб, ни сокол не могли сравниться с нею выразительностью глаз.

О боги! Чудится ли мне это небесное создание, или оно наяву? Быть может, я ещё сплю?

Нет, это похоже не сон, но кто же эта девушка необычайной красоты? Как ее зовут, что она здесь делает? И почему так учащенно бьется моё сердце?

– Мой господин, вы уже проснулись? – ласковым голосом нежно, словно элларская свирель, пропела она.

– Кто ты, очаровательная незнакомка, знаю ли я твоих родителей, богиня? – стараясь придать своему голосу более нежный тон, спросил он.

– Видно с памятью у тебя совсем стало плохо молодой правитель, ты даже не узнал свою маленькую Армиду, а ведь когда-то вы вместе проводили дни напролет, – неожиданно ответил за прекрасную незнакомку появившийся как из-под земли широкоплечий Кред.

– Она теперь мне как дочка, после смерти ее славных родителей, которые были родом из клана зиру*, я взял девочку на воспитание, и вот уже скоро, как восемь зим, она живет в моем доме.

– Армида ждала тебя каждый день, – все выспрашивала у меня, когда ты приедешь, – добавил князь и бросил на нее лукавый взгляд, девушка при этих словах зарделась от смущения.

– Это чудесное создание, моя маленькая подружка, которая в детстве неотступно следовала за нами везде? Глазам своим не верю! —изумился Таньяг, восхищенно смотря на Армиду.

– Верь не верь, а это действительно она, да и какая тебе маленькая, ей давно уже пора стать женой какого-нибудь хорошего дарса, отец с матерью не успели позаботиться о ее судьбе, придется подбирать ей мужа мне, правда, дочка пока об этом и говорить не хочет, – с некоторым сожалением посетовал Кред, а так хочется увидеть ее счастливой, – он многозначительно посмотрел на Таньяга.

– Ну что ж, вождь, столы в кривале* накрыты, пора тебе подкрепить свои силы, заодно и потолкуем о невеселых делах наших. Армида поможет тебе привести себя в порядок.

Таньягу доставило истинное удовольствие, когда девушка помогала ему умыться, поливая его шею, спину, голову холодной водой, десятки раз наполняя маленький кувшин. Воспоминания о юности, проведенной в Часгене, оживали одно за другим и пробуждали в нем самые приятные, немного забытые чувства.

– Ты покажешь мне эрихейское озеро, лагорские скалы? Помнишь, как я сорвался с них, когда полез на одну из вершин, чтобы подарить тебе хенвейс*?

– Как же ты выросла, какой же красивой стала, – с юношеским задором, смешно отфыркиваясь, наперебой говорил Таньяг.

– Мой господин, вы все помните, – восторженно и с нескрываемой нежностью глядя на него, отвечала Армида, – конечно, если у вас будет время, я вам все покажу.

– Время будет предостаточно, мгновенно приосанившись и напустив на себя важный вид, – сказал он, – дела требуют, чтобы я погостил у вас денька два- три.

Таньяг того и не подозревал, что его денька два – три растянутся на две – три недели, а вернее сказать, на всю оставшуюся жизнь, но пока, сидя за столом и слушая говорившего без умолку Крета, пропуская его нравоучения, а также тосты, произносимые за его здоровье мимо ушей, он не сводил взгляда от Армиды, которая, также поборов смущение, влюблено смотрела только на него.

Это не могло укрыться от наблюдательных глаз мудрого правителя Крета. Видя, как они смотрят друг на друга, он на минуту умолк, довольно потирая подбородок, и еле слышным голосом сам себе прошептал:

– Ну вот, значит, не зря ты приехал в гости, смотри, смотри, хорошая будет тебе жена, лучше ее во всей Дарсии не сыщешь.

– Ты это о чем? – переспросил Таньяг, не расслышавший из-за шума, царившего за столами, слова, которые пробормотал себе под нос правитель Часгена.

– Я говорю, что в последнее время многое меня настораживает, – поспешил сменить тему пожилой хитрец.

– Уходит дикий зверь из наших лесов, мои охотники находят много мертвых туш. Начался какой-то непонятный мор среди них... В моем поселении несколько человек умерли от странных и загадочных болезней, о которых наши мудрецы и шаманы раньше и не слыхивали. Удивительно то, что никаких противоядий этим напастям у них нет.

Дарса как будто кто-то съедает изнутри, он умирает, на глазах высыхая. Несколько жителей у меня просто пропали без следа, пошли за водой и исчезли. Поиски не дали результатов. Никаких следов. Они словно испарились в тумане. Ты уже заметил, наверное, что я увеличил охрану и количество сторожевых вышек, мои люди видели много раз вооруженных незнакомцев в наших окрестностях. Да ещё эта погода!

Чем-то мы прогневали своих богов, что они запретили красному колесу появляться над нашим поселком.

Эх, если бы ты прислал к нам на поселение несколько десятков здоровенных иртов, вот подарил бы мне старику радость. Ведь в Часгене мужчин не так уж и много, случись чего, беды не оберешься. А мы сумели бы их здесь оставить, от наших женщин кто хочет потеряет голову!

Таньяг, когда Кред упомянул о непонятных болезнях, обрушившихся на дарсов, вспомнил страшную смерть своей жены и внутренне содрогнулся. Но внешне вождь не подал вида и напротив попытался успокоить Крета.

– Вооруженные незнакомцы, говоришь, как они выглядели?

– Да кто разберет этих лесных бродяг, как крысы, все шныряют и вынюхивают. – Кред недовольно поморщился.

– Не знаю, что и сказать тебе. Быть может, все твои тревоги напрасны? Пора уже привыкнуть к тому, что мы не одиноки в этом мире и все эти существа, как бы плохо мы к ним не относились, тоже имеют право на жизнь. Говоришь они были вооружены? Без оружия нынче никого не встретишь, и, если даже наши женщины носят с собой жала мигов*, что говорить о других.

– Не нравится мне все это, – недовольно покачал головой Кред. – Они, эти маленькие воришки, как будто что-то замышляют, при появлении наших мужчин тут же исчезают, стало быть, боятся, а чего спрашивается? Я считаю так, если ты честный, пусть и уродливый карл, и не держишь камня за пазухой, чего тебе опасаться, тем более, дарсы никогда не позволят себе обидеть слабого. У меня исчезают люди, умирает скотина, как мне по – твоему себя вести, – с некой досадой на Таньяга проговорил Кред.

– Дарсы в отличие от элларов, к сожалению, не бессмертны, твои пропавшие водоносы, зная вашу глубокую реку, могли просто утонуть в ее водах. Недаром же она носит имя Кера,* —ответил Таньяг, который по-прежнему не отрывал своих глаз от Армиды.

– За несколько дней утонуло, как ты соизволил выразиться, десять дарсов! Не много ли это, – с раздражением воскликнул Кред, который уже начинал терять терпение от того, что его племянник не хочет понимать того, что происходит в Часгене.

– Хорошо, будь по-твоему, – уступая перед напором Крета, миролюбиво ответил Таньяг, – я пришлю к тебе на поселение сотню могильщиков, они быстро приведут все в порядок и сожрут всех твоих незнакомцев. Выделишь им под строительство немного очищенной земли и поможешь с обустройством.

– Пожалей меня, Бдасу!* Одно другого лучше! Только не вонючих могильщиков, они перегадят все вокруг, – взмолился пожилой дарс.

– Зря ты так пренебрежительно о них отзываешься, после того, как ими стал править Схед, они стали кроткими и послушными, впрочем, будь по-твоему, ирты, так ирты, ожидай

пополнения, —уступил натиску хозяина Таньяг и вновь хотел обратить свой взор на Армиду, но к своему удивлению, обнаружил, что её среди других уже не было. А между тем праздничные гулянья, посвященные встрече вождя, продолжались.

После сытной еды и веселящих напитков под одобрительные выкрики и бой грахмов* около десятка смельчаков мужчин и женщин начинали дикие пляски. В них, как правило, потом втягивались все. Смотрелось это со стороны очень зажигательно и продолжалось иногда до полного изнеможения участвовавших. Грахмы медленно, но верно все убыстряли ритм, и танцующие следовали ему.

Когда все заканчивалось, дарсы валялись, как правило, от усталости на землю.

Таньяг из пропахшего потом и веселящим угаром кортана вышел на улицу. Стояла прекрасная теплая ночь. Бесчисленное множество

больших и маленьких огоньков, словно россыпи драгоценных камней освещали небесную дорогу.

– Ты помнишь, как обещал мне найти и подарить один из светящихся камушков, который сорвался с небесной тверди, когда мы вдвоем любовались им и упал туда, где жили старые боги, – услышал он позади себя голос Армиды. Какой же великий наш Майру, что смог создать эту красоту, спокойные, задумчивые озера, говорливые реки, бескрайние леса...

– Завороженная, она, казалось, ничего не замечала, смотря вверх. Таньяг подошел к ней и нежно ее обнял.

– И тебя, – добавил он тихим, ласковым голосом.

Глава 10. Украденная невеста

Три недели провел Таньяг в Часгене, и они пролетели для него, как один день. Ни на минуту все это время он не расставался со своей возлюбленной, и когда пришло время прощаться, он давал наставления ее приемному отцу:

– Готовь свою дочку к свадьбе, когда с деревьев облетит листва, ждем вас в Явдавкасе. Рад ли ты этому?

– Твой покойный отец одобрил бы твой выбор, – обнял Кред в ответ Таньяга. Я горд за тебя, будь счастлив сам и сделай счастливой Армиду.

На прощанье Таньяг сделал своей возлюбленной необычный подарок:

– Помнишь, – говорил он, ласково глядя ее нежные волосы, —десять зим тому назад, когда мы были ещё юными, я подарил тебе талисман нашего племени, амулет с изображением нашей покровительницы богини Фои?

– Он всегда со мной, мой любимый, я его никогда не снимала – девушка показала оберег, висящий у нее на шее, Таньягу.

– Я знаю, моя дорогая, это символ наших гордых племен, чьей дочерью, одев его, ты стала, он должен защищать и оберегать тебя, но сейчас я хочу подарить тебе и живого защитника.

– Хармс, – обратился он к одному из своих людей, – приведи Герту. Здоровенный дарс, низко поклонившись, куда-то ушел. Через несколько минут он вернулся, но не один. Рядом с ним шла немного испуганно и, удивленно озираясь по сторонам, молодая серая волчица. Что-то необычное было в ней.

Армида за свою жизнь видела немало волков. Несмотря на то, что в Часгене не занимались их разведением, все же многие мужчины дарсы имели этих прекрасных хищников, которые отлично помогали им в охоте.

Но эта молодая волчица с шерстью серебристого отлива была какой-то особенной. Уж очень выразительно смотрели ее глаза.

– Это Грета, дочь самой лучшей нашей охотницы Юмги. – Она почти ручная. Её мать-гордость Явдавкаса, она спасла жизнь одному из наших ловчих, когда его на охоте подрал вепрь. Несколько суток волчица не отходила от умирающего, отгоняя хищников, пока его не нашли мои люди. Так что Юмга – наша знаменитость, пусть и ее дочь послужит тебе, будет самым лучшим другом и защитником на всю жизнь.

Армида быстро нашла общий язык с волчицей, вернее, та с ней. Усвоив, что новая хозяйка в ней души не чаёт и балует ее, она моментально решила воспользоваться своим привилегированным положением.

У Греты мгновенно открылись недюжинные «охотничьи способности». Так, например, через несколько недель у Крета резко сократилась вся мелкая домашняя живность на скотном дворе.

Недовольство правителю по поводу его серого разбойника, безнаказанно пожирающего кролей и птицу, стали выражать все больше и больше знатных дарсов.

– Что я могу поделать – эта бестия – подарок вождя, – разводил он в бессилии руками.

Охотничьи налеты Греты на чужое «мясное хозяйство», это было ещё полбеды, вскоре у нее открылись еще одни «уникальные» способности, как воровать оставленные без присмотра вещи. Здесь талант серой проявился в полном масштабе, в доме у Крета начало исчезать буквально все.

Полезные находки Грета заботливо зарывала в своих тайниках за поселением, каких следопытами было найдено три. На свет божий искателями, которые сопровождали найденное сильной руганью, были извлечены: изорванные накидки, несколько клубков шерсти, колчаны, глиняные горшки, бесчисленное количество кожаных поясов, детские деревянные игрушки,

и даже кипень – огромная штукавина, служащая хозяевам для помешивания еды в больших котлах.

Ну и последнее, у серой открылись невиданные голосовые данные, которые приводили в замешательство всех в Часгене. Грете было все равно, когда и в какое время исполнять свои вокальные партии, иногда волчица могла выть среди бела дня

– Не к добру она воет, – говорили дарсы.

Несмотря на все, Армида была без ума от своей четвероногой подруги, которая стала ее неизменной спутницей в частых прогулках за пределами Часгена, а её странности она списывала по молодости серой.

Туман, который властвовал над Часгеном, наконец то отступил, стояла прекрасная теплая погода.

– Боги наконец то смилостивились над нами, – говорил Армиде Кред, всегда сопровождавший свою дочку, они втроем до поздна бродили, наслаждаясь последними солнечными лучами уходящего лета.

– Да, Армида, скоро ты увидишь Явдавкас, самый большой город Дарсии, будешь жить там со своим мужем, а я останусь доживать здесь наедине со своей старостью и слушать по ночам крикунов у высохшего озера, – грустил он.

Таньяг будет хорошим мужем, у него доброе сердце, подумать только, как летит время, ещё недавно вы были совсем детьми.

– Я буду приезжать к тебе каждую весну, клянусь, а когда ты совсем состаришься, мы заберем тебя с собой – честно, честно, – заглядывая в глаза Креду, искренне пообещала девушка. Она посмотрела на своего опекуна, который внезапно остановился.

– Пора возвращаться домой, дочка, что-то загулялись мы с тобой нынче, уже совсем темно. Посмотрим, чем сегодня нас попотчует моя старая Эжта, – ни с того ни с сего забеспокоился Кред. – Куда же запропастилась наша серая воровка, все время под ногами крутилась, а тут пропала? Позови ее, – попросил он Армиду. Голос правителя звучал несколько необычно, казалось, он был чем-то встревожен.

– Грета, – звучно крикнула девушка. Но волчица не появлялась.

– Такая прекрасная, теплая ночь, а мы уже возвращаемся домой, – наигранно капризно произнесла Армида. – Уж если ты меня не отпускаешь одну, то обещай, что завтра мы погуляем с тобой подольше.

– Обещаю, дочка, но завтра мы... – старый дарс не успел договорить, как тишину вечера вдруг пререзал тихий свист, одновременно с ним правитель почувствовал внезапную резкую боль в области спины.

– Странно, что же меня так кольнуло, неужели годы берут свое, – подумал он и провел рукой за своей спиной. Что это?! – Кред был изумлен. Старик нащупал тонкое древко, которое глубоко засело в его спине. Еще трижды, с правой стороны озера раздался этот свист, будто большой шершень грозно рассекал своими крыльями воздух, и вновь тело Крета обожгло в нескольких местах. Не в силах стоять могучий дарс опустился на колени.

– Отец, что с тобой – не понимая, что происходит, воскликнула Армида.

– Беги, дочка, – тяжело дыша, проговорил Кред.

– Спасайся быстрее... Это были последние слова правителя Часгена, следующая стрела с черным оперением попала ему в шею, заставив его покорно лечь на землю и уснуть вечным сном.

– Отец! – Этот страшный, полный скорби крик, изданный Армидой – как говорили потом, многие слышали в самом Часгене. Девушка, забыв о том, что ей грозит страшная опасность, не бросилась бежать, а осталась вместе со своим погибшим опекуном. Обняв его тело, она безудержно рыдала.

Убийцы князя появились мгновенно. Это были отвратительные маленькие создания в серых одеждах. Их было около двух десятков. Они здорово нервничали и суетились. Им долго не удавалось оттащить Армиду от Креда. -Амнхей, амнхей*– торопливо кричали они друг другу, опутывая руки и ноги девушки веревками.

– Этого большого дарса нужно оттащить подальше. Привяжите камень к его ногам и бросьте тело в болото. Быстрее! – отдавал команды один из них вислоухий карлик с омерзительными выпученными, словно у жабы, глазами, озираясь по сторонам.

Когда Армиду всё же оторвали от тела дарса, на нее напал приступ бешенства.

Она стала кричать, извиваться и царапать убийц, но маленькие уродцы быстро справились с ней.

Один из них прыснул ей в лицо жидкость из какого-то зеленого пузырька, и у девушки моментально налились тяжестью суставы, а через несколько секунд у нее закрылись глаза, и она крепко заснула.

Глава 11. Рабыня

Таньяг был в бешенстве. Еще никогда дарсы не видели своего вождя в таком гневе. Он рвал и метал, отдавая приказания своим людям, большинство из которых были по большому счету бесполезными.

Через двое суток вождь узнал об исчезновении его возлюбленной и властителя Часгена.

Кред с Армидой бесследно пропасть никуда не могли, следовательно, с ними что-то случилось. Вскоре после того, как в озере было найдено тело князя, Вермский лес бурлил и был похож на военный лагерь. Все торговые отношения с соседями, другими лесными народами были прекращены.

Закрылись места свободной торговли с зорфи и ритонцами. Тот же, кто осмелился в это время вступить в претории дарсов, рисковал своей жизнью. Все их соседи, маленькие лесные народы, с ужасом думали о том, что может прийти в голову их могучим разгневанным соседям и потому их правители, пытаясь помочь дарсам, и тем самым обезопасить себя, пустили своих самых лучших следопытов на поиски. Однако все было тщетно, никто ничего не видел, никто ничего не знал.

Убийцами Крета и похитителями Армиды была одна из разбойничьих банд козлоногих хревов, торговавшая живым товаром.

Похищенные зорфи, эллары амастаки, ритонцы продавались, в то время как рабы в одно из государств людей Вестгейр, которое ещё со времен правления Храфна Меченого стало центром зла и несправедливости, королевством рабов. Над ними всячески издевались, они служили для развлечений господ.

Так, например, достоверно известно, что маленькие и юркие зорфи покупались в качестве живых мишеней, на них устраивали охоту, другие - для бесплатной рабочей силы, используемой в основном на шахтах и в рудниках.

Жили рабы хуже животных в клетках и ямах. В других людских королевствах Химинхейме, и в Хольмстейне торговля живым товаром была строго запрещена, однако и в них находились негодяи, которые зарабатывали деньги тем, что покупали у похитителей, а затем поставляли заказчикам рабов.

Так в Хольмстейне в небольшой деревушке Нерланд таким мерзавцем был один зажиточный бонд по имени Оли. На него с утра до вечера гнули спину несколько десятков человек. В тех краях у него была самая богатая одадь носившая название «Золотой двор».

Главным источником доходов Оли была торговля живым товаром. И через этого негодяя проходило много рабов, которых он потом переправлял в Вестгейр, где рабство было узаконено.

Несмотря на то, что хревы и люди ненавидели друг друга, и были в постоянной вражде, это никак не мешало самым гнусным представителям, как того, так и другого народа не только общаться между собой, но и вместе творить темные дела.

Находившуюся в беспамятстве Армиду сперва доставили в Ринецмор королевство хревов, а оттуда вместе с другими пленниками окольными путями переправили в Нерланд.

Заплывший жиром тюфяк с маленькими, как у свиньи, глазками с лысой и гладкой, как коленка у женщины головой довольно потирал руки. Хревы его не подвели. Этих рабов он дорого продаст! Оли, осматривая свой товар в уме, уже прикидывал какие получит барыши от перепродажи. Вдруг его взор пал на Армиду. Её беспамятство вызвало у него беспокойство.

– Смотрите, если она сдохнет у меня, в следующий раз я вам заплачу вдвое меньше, – предупредил хревов толстяк. – Почему она как мертвая? Что вы с ней сделали? – недоумевал он.

– Не издохнет, человек, – мрачно процедил сквозь клыки один из похитителей, лицо которого было скрыто капюшоном из шкуры черного ягненка. Через пару дней она придет в себя и вряд ли вспомнит, кто она и откуда.

Он поднял кверху кривой палец, покрытый волосами, и хрипло рассмеялся.

– «Паоли сал»* хороший цветок, отвар из него начисто отшибает память, так что не беспокойся. Знай это, дорогая рабыня! Дарсы ищут её везде. Мы чуть было не нарвались на большой их отряд в долине дождей, весь лес гудит от их ног.

В последнее время доставлять к тебе товар становится все трудней и опасней, а поэтому сейчас за каждую голову ты будешь платить вдвое больше, – хрев выжидающе замолчал.

– Я буду больше платить?! Да что ты себе позволяешь, Кай! – у толстяка от возмущения побагровело лицо и затряслись руки.

– Будешь и никуда не денешься, если тебе нужно живое мясо, – хрев со злостью скинул с себя капюшон. «Как же он уродлив!» – подумал Оли, когда его взору представились мерзкие черты лица Кая: морщинистое, словно пожеванное лицо, густые слипшиеся брови, большие, заостренные уши, вытаращенные, налитые кровью глаза и огромный, набитый гнилыми клыками рот, от которого несло смрадом.

– За своих пленников и особенно за эту я мог бы получить гораздо больше золота у друзей в Иганборде, и не рисковал бы, подвергая себя и своих братьев смертельной опасности, доставляя их сюда, через земли, которые кишат подобными ей и тебе тварями.

Знаешь ли ты, что за любую информацию об этой рабыне, – тоном, полным презрения к Оли, продолжил хрев, – король дарсов обещал золотые горы?! Говорят, что тот, кто ее доставит, может брать, что захочет, и столько, сколько сможет унести.

Теперь ты понимаешь, как мы рисковали, – закончил он, пробормотав вполголоса какие-то проклятия на своем родном языке. Оли эти слова заделали за живое, он лихорадочно соображал, что ответить хреву. Краска на его лице стала спадать и гнев на лице постепенно сменился благодушным масляным выражением.

– Кай, я же ничего и не имею против, за хороший товар я всегда готов хорошо платить, главное, чтобы женщина-зверь не сдохла, тогда какой от нее будет прок, – заискивающе заговорил он.

– Через несколько дней она проснется, поверь мне на слово, – заверил хрев. – Жди нас теперь не скоро, я сам дам тебе знать, когда мы придем, – на прощанье сказал ему разбойник.

Армиду работорговец заключил в сырой погреб своей усадьбы. Чтобы пленница быстрее привыкала к своей участи, он посадил ее на короткую цепь. Девушка, как и обещали похитители, через несколько дней стала приходить в себя, она все чаще открывала глаза, хотя все еще и находилась в неподвижном состоянии.

– Вот и славно, – улыбался Оли, подглядывая за ней и улыбка расходилась по его жирному лицу, разделяя его напополам.

– Что же мне с ней делать? – думал он, потирая испариной лоб. – Как получить за нее большие деньги? Конечно, он помнил слова Кая о том, что король волчьего народа не пожалеет золота тому, кто ее вернет, но можно ли верить козлоному, да и как его встретят дарсы? Быть может, они обманут и вместо золота повесят бедного Оли на дереве, или, страшно подумать, заживо съедят. Наверняка, обманут, – в очередной раз все взвесив, пришел к такому выводу работорговец. Толстяк живо представил себя в качестве блюда на их пиру, и у него от страха все похолодело внутри.

Держать ее у себя долго- опасно, этим хревам нельзя доверять. Может быть, они уже рассказали о том, что она находится здесь, и сейчас ее соплеменники направляются к его усадьбе, чтобы расправиться с ним.

Оли от этих мыслей снова стало нехорошо.

Он, с тоской заглянув в посуду, на которой лежала аппетитная жареная свинина, потянулся было к ней, но тут же резко отпрянул назад. Свинина приобрела очертания самого Оли. Он явственно увидел себя, зажаренного целиком, хорошо прокопченного до румяной корочки, и приправленного различными специями.

– Попробуй, ты получился очень вкусный! – сказала жареное видение, озорно подмигнув. Оли выскочил из-за стола.

Продать ее вместе с остальными рабами в Вестгейр? Но тогда я не получу столько денег, как мог бы... Алчному обрюзгшему человечку вдруг стало очень грустно и обидно за себя. В таких размышлениях он проводил все дни, совершенно перестал спать и даже немного поухдел от своих переживаний.

Впрочем, спать ему мешал и жуткий волчий вой, раздававшийся где-то совсем близко. Слуги Оли с ног сбились, выслеживая зверя, но так и не нашли его.

Жадность все же одержала верх и победила трусость. К концу недели, как у него появилась знатная пленница, он все же решил ее продать дарсам.

Для начала Оли снял с ее шеи цепь. Потом даже отдал распоряжение хорошо ее кормить, но по-прежнему держал пленницу в заточении в погребе. Сам же стал мучительно соображать, как бы лучше выполнить задуманное. Но его плану не суждено было сбыться, внезапные обстоятельства разрушили его мечты.

– Хозяин, открывай, – тяжелые удары в дверь, лай собак, властные громкие голоса и ругань на улице означали то, что к нему пожаловали какие-то важные гости.

– Кого это принесло среди ночи, – с тревогой подумал Оли. – Иди, болван, узнай, – толкнул он в спину одного из слуг, а сам, накинув на себя рубаху, приготовился к встрече непрошенных гостей.

– Не суетись так, женщина, – с раздражением прикрикнул он на свою супругу, которая бестолково металась из угла в угол.

– Ой неужели наш мучитель явился, – шептала она в испуге. Супруга Оли не ошиблась. Их ночной покой нарушил сам ярл Торгарда Магнус со своими людьми.

Ярла Магнуса в Хольмстейне знали все от мала до велика.

– Такого правителя ещё поискать надо, – так говорили о нем в Торгарде. Несмотря на свою внешнюю суровость, Магнус был справедливым человеком.

Этот высокого роста светловолосый витязь обладал невероятной силой. Его тело буквально дышало здоровьем. У Магнуса были мужественные черты лица, красивые, глубокие и синие, как воды моря, глаза. Но горе было таким плутам, как Оли, посмотреть в них. Магнус по прозвищу Грозный насквозь видел таких негодяев, как толстяк из Нерланда.

В дом к Оли помимо него зашли ещё двое вооруженных мужчин. Звали их Браги и Аскель. Они были из дружины Магнуса, и являлись его хирдманами, кроме того, воин по имени Аскель был побратимом ярла. Лица их были угрюмы и неприветливы. Богатые кольчуги ладно сидели на них.

Этих двоих Оли не знал, но зато он хорошо помнил последнюю встречу с Магнусом, происшедшую во время священного праздника йоль, когда тот хорошо огрел его плеткой по спине. Новая встреча с ним и его дружинниками тоже вряд ли сулила что-то хорошее, а потому лицо Оли поглупело и приобрело ужасно тоскливый вид.

– Дрыхнешь, толстый плут, а на тебя днем и ночью работают твои слуги, – вместо приветствия с негодованием бросил ему с порога Магнус

– Если господин имеет в виду людей, работающих на мельницах, то они...

– Заткнись, я пока слова тебе не давал, – оборвал его на полуслове витязь.

– Я смотрю, ты херсиром* себя почувствовал, негодяй, охрану уже завел, нас даже пытались остановить, впрочем, твои холуи надолго запомнят моих славных воинов. Рассказывай, чем ты занимаешься здесь, проклятый варг, – Магнус продолжал напирать, глаза его недобро

сверкали при этом он держал одну руку на украшенной серебром. полосатой рукояти своего меча, носящего имя Хеймдаль. Этот меч ему достался по наследству от своего отца Эйнара Рубаки великого воина Хольмстейна.

– О асы!* – с ужасом подумал Оли, глядя на могучего воина, – защитите и сохраните. Ведь если он сейчас не успокоится и рубанет меня этим здоровенным мечом, то изрубит на две половинки, плакали тогда мои денежки.

– Нн Наверно вважные дедедела привели тт аккого славного вввоиннна в нашу глулухо-мань, – Оли от испуга не мог внятно произнести ни слова и начал заикаться.

Дружинник Браги брезгливо смерив толстяка с ног до головы, презрительно хмыкнул: — Да он дар речи потерял от страха!

– Накорми, напои моих людей, что остались на улице и наших коней, собери и нам на стол, – отдал распоряжение Магнус, не обращая внимание на заикавшегося бонда.

Я уже говорил вам, что Оли был ужасный скряга, он экономил деньги на всем, чем мог: на себе, так как ходил всегда в старой потрепанной одежде, словно нищий, на слугах, обманывая их не только с деньгами, но и с едой, на своей жене, и детях, у него было двое здоровых недорослей.

Хотя денег у этого проходимца было, наверное, больше, чем у самого конунга. Один раз во время какого-то праздника он решил проявить великую милость и подарил Йорунн – так звали его жену, несколько монет, но, находясь в тяжелых мучениях и душевных переживаниях после этого «необдуманного» поступка, позже забрал их.

Все свои сбережения он прятал в весьма экзотическом месте. На скотном дворе под самой большой навозной кучей у него был специальный тайник и потому частенько толстяк бывал там, отдыхая, иногда по нескольку раз на дню. Под страхом смерти он запретил своим слугам, а также жене и детям подходить к скотному двору ближе, чем на сто шагов. Никто не мог понять такую странную любовь Оли к старой навозной куче.

Сейчас же, насмерть перепуганный, он, скрепя сердцем, вынужден был открывать свои закрома, чтобы ублажить гостей, и для него это было тяжелым испытанием.

Через несколько минут самые лучшие яства были на столе. Обсуждая насущные дела, усталые с дороги воины не замечали сторбившегося и подобострастно смотрящего им в рот, провожающего взглядом каждый кусок мяса и подсчитывающего про себя, кто сколько съест, толстого человечка.

– Чего притаился, как крыса, и молчишь? – наконец обратил на него внимание Магнус Грозный. – В этот раз ты постарался, угощаешь меня неплохо, даже Хольду,* проходимец припас, видно, некоторые из моих уроков, преподнесенные тебе ранее, ты усвоил хорошо, однако, видно не все. Мы были по важным делам, в соседних с Нерландом гартах, но к тебе заехали не для того чтобы попить, поесть, – откусив здоровый кусок от куриной ляжки, продолжал Магнус. Его благодущие, которое казалось Оли вот- вот наступит, моментально исчезло.

– Уж очень много жалоб поступает на тебя, жирный увалень, клянусь Тором, плачет по тебе его молот, была бы моя воля, не дожидаясь тинга, я сам сделал бы тебе кровавого орла, хотя какой из тебя орел, сделал бы из тебя кровавую свинью. Злым хохотом ответили дружинники Магнуса на остроту своего ярла.

– Была бы моя воля – прокрутились в голове у Оли спасительные слова, – значит сейчас его убивать не будут, фу... уже легче. Что же им известно про меня? Кто посмел донести? Наверное, этот ничтожный скальд, которого я держал несколько суток в яме за его хулительные висты. Ума не приложу, как же он сумел освободиться и убежать. Нет, тут целый заговор против меня, кто- то замешан еще, ведь как – то он улизнул?!

Ох, как я вовремя продал новых рабов в Харесгард. Что же могло быть, если бы они увидели клетки с ними? Тут сердце у толстяка лихорадочно забилося, а голова снова на мгно-

вение перестала что-либо соображать, так как Оли вспомнил о своей пленнице, находящейся в погребке.

... Ты постоянно нехорошо отзываешься о нашем конунге.

– Ты укрываешь свои доходы, и обращаешься со своими наемными работниками, как со скотом, не платишь им положенного, жестоко наказываешь их. Я слышал даже о случаях их казни, немудрено, что они бегут от тебя. У тебя постоянно околачиваются всякие бездельники, бандиты с большой дороги, ты находишься в дружбе с негодями из Вестгейра, наконец, ходят слухи, что ты торгуешь рабами! – гремел властный голос Магнуса, разрывая ушные перепонки съездившегося Оли.

– У меня пока нет прямых доказательств твоих делишек, иначе ты бы уже давно болтался на лошади Сигара*, но туда, толстый болван, никогда не поздно попасть. А теперь слушай внимательно: наш правитель очень терпеливый, но он не позволит, чтобы в его гартах жили по разбойничьим законам Вестгейра. Здесь на пару дней чтобы проверить, чем ты занимаешься, останутся мои воины. Завтра, когда раскроется небесный шатер и из него выйдет светило, ты покажешь им все свои владения и самые темные крысиные их углы. Смотри без шуток, если что задумаешь нечистое, берегись, – грозно предупредил Оли Магнус, встав из-за стола и направившись к выходу. За ним сразу же поднялись Браги и Аскель.

Скряга скорчил плаксивое лицо и произнес жалобным тоном:

– Обидно и горько, что такой великий воин верит словам нечестных завистливых людей и не хочет слушать мои! – он побежал, семеня ногами, впереди воинов, провожая их.

– Я не знаю, что будут искать ваши люди, но весьма рад, что они остаются у меня. Пусть хоть немного отдохнут от тягот службы и нам будет поспокойнее, живем- то в гиблых краях, – изо всех сил лебезил он.

– Замолчи! – рывкнул на него Магнус и внезапно остановился, к чему- то прислушиваясь.

– Тихо! Вы слышали? – спросил он у своих ратников.

– Кажется, волк воеет и совсем близко, вот почему наши лошади так беспокойно себя вели, когда мы подъезжали к этой одали, – вполголоса ответил рыжий здоровяк Аскель.

– Надоед проклятый своим воем, всю живность мою передавил, никак мои ребята выследить его не могут, – горько посетовал Оли и тяжело вздохнув преданно, как собака уставился своими маленькими заплывшими глазенками в Магнуса Грозного.

– Может быть, ваши славные воины, которые будут здесь, его наконец- то изловят, – хитрец изобразил на лице надежду.

– Волк не лиса, охотится он стаей и просто так не придет к человеку, тут что-то неладное, – покачал косматой головой Браги и добавил:

– Либо он старый и уже не в состоянии сам добывать еду и поэтому нужда его заставила так приблизиться к людям, либо... Моя покойная матушка не раз говорила, раз пришел волк в селение в полночь, он пришел за кем-то.

– Волк воеет на улице, а кто же ему тогда отвечает здесь? – удивленно спросил Аскель, насторожившись.

– Это ветер, наверное, или простите, мой господин, у меня в животе бурчит, – позеленел Оли от страха, зажимая рукой живот. – Что-то съел плохое, вот он и разволновался.

– Верно, будто кто-то стонет, а я грешным делом подумал, что мне показалось, – поддакнул Браги и недоуменно посмотрел на своего ярла.

– Слышите, мой господин, слышите, снова как будто кто-то отвечает и скребет где- то совсем рядом, – припал к полу Аскель. – Да это же прям под нами! – в изумлении воскликнул он и резко вскочил на ноги.

– В животе говоришь, лысый плут, а ну рассказывай быстро, кто у тебя находится в погребке?

– Не знаю, клянусь Одним, не знаю! – задрожал, как осиновый лист, Оли.

– Ту Фейгум муни флейпрар* – презрительно бросил в его сторону Магнус.

– Живей показывай, где у тебя погреб и неси огонь, – уже не глядя на него, сквозь зубы приказал могучий воин.

– Там сыро и неприятные запахи могут сильно испортить вам самочувствие, – уже не говорил, а скорее блеял, как овца, толстяк.

– Ты еще здесь? – Магнус был неумолим.

Зная, что его препирательства нисколько не помогут, а лишь ухудшат его положение, Оли, втянув голову в плечи и в ожидании скорой расплаты за свои грехи, поплелся показывать дружинникам погреб. Разбирая завалы, под которыми находилась тайная дверь, ведущая вниз, он с невыносимой тоской думал о том, что будет дальше.

«Это же надо было так глупо попасться и потерять столько уже почти заработанных монет. А теперь я все потеряю и, возможно, свою жизнь...»

– Здесь у меня хранятся различные соленья, мед, вина и пиво, – попытался он придать своему плаксивому голосу некую бодрость.

– Посвети сюда, – указал на темный угол толстяку Аскель.

– Ба! Да вы только гляньте, кто тут!

Яркий свет от факела осветил испуганную притаившуюся в углу пленницу Оли. – Хороша же выпивка у тебя здесь хранится! – сурово молвил Магнус.

– Что делает это бедное, запуганное существо у тебя? Если будешь лгать, клянусь Тором, я выпотрошу тебя прямо здесь, – немедленно потребовал ответа ярл Магнус

– Сиротка, – шмыгнув носом, глядя себе под ноги, ответил не нашедший ничего лучшего сказать рабовладелец, – ее бедную, умирающую, нашли мои люди в лесу, я ее выходил, вылечил. Мой господин, я горд тем, что сделал. Ведь нужно проявлять милосердие ко всем живым тварям, живущим на этой земле.

Большей ерунды в жизни, как эта, Оли не говорил ещё никогда.

– Зашить бы тебе рот вартари* за твою ложь. Зачем же ты ее благодетель держал в темном подвале и почему сразу ничего о ней не сказал нам, а лгал? – продолжал разбираться Магнус, который, приблизившись к Армиде, внимательно рассматривал ее. Щурясь от яркого света, девушка, испугавшись, ещё больше забила в угол и закрыла лицо руками.

Плут Оли мгновенно оценил обстановку и, не моргнув глазом, продолжал дрожащим голосом плести несусветную чушь:

– Дело в том, что она не любит дневного света, там наверху это милое существо боялось всех и вся, и ей, не дай бог, могли причинить вред, вот почему этой лесной женщине я отвел это теплое, уютное место. Мой господин спрашивает, почему я не рассказал об этом вам? Поверьте, я не думал, что у таких важных обремененных заботами о государстве мужей возникнет интерес к дикарке.

– Ты брешешь все от первого до последнего слова. Это существо, по всей видимости, ты держал в заточении, но для нее твой плен кончился, она поедет с нами, а вот твои приключения, похоже, только начинаются, пора тебе держать ответ перед государем – при свете факела облик Магнуса, произносившего эти слова, был страшен.

– А она довольно симпатична по сравнению с ее родственниками, мне их много довелось повидать, – вскользь заметил дружинник по имени Браги

– Браги, ты и ещё несколько воинов останетесь здесь, проверите, чем ещё промышлял этот презренный бирюк. Ты слышишь меня, – обратился он к своему дружиннику?

– Да, господин! – с готовностью откликнулся тот.

– Хорошо поищите в его владениях, быть может, таких сироток у него найдется ещё немало.

– Эй, не горюй, – издевательски потряс Аскель, словно мешок с песком, одуревшего и еле стоявшего на ватных ногах толстяка Оли, – скоро по тебе будет радоваться сам его величество топор.

Под Оли после этих слов ходуном заходила земля и поплыли разноцветные круги перед глазами. Если бы не могучие руки дружинников, успевших подхватить его, он бы грохнулся на землю.

– погоди, толстяк, раньше времени не падай, ещё успеешь, – заржал, как лошадь, Аскель.

Оли провожала почти вся деревня, несмотря на то, что на дворе было ещё темно, никто в Нерланде в этот час не спал.

Весть о том, что к ним пожаловал ярл Магнус, мгновенно облетела каждый дом. Жители этой небольшой деревушки вышли из своих домов. Они долго томились на улице возле усадьбы Оли и наконец своего дождались.

Толпа забурилась, когда из ворот вышел хозяин Золотого двора в сопровождении нескольких дружинников. Люди Нерланда не скрывали своих радостных эмоций, когда Оли награждали тумачами. Видя, как радуется чернь, он вертел из стороны в сторону головой и бормотал про себя проклятья. Хорошим толчком в спину ему помогли бухнуться на сырое сено в повозке.

– Ой, куда же тебя увозят- то кормильца нашего, как же без тебя мы теперь будем жить-поживать, – причитала его жена. Наигранные ее вопли скоро надоели ей самой, и она, для приличия покричав еще пару раз, дала подзатыльник старшему сыну, который стоял с раскрытым ртом, и удалилась в усадьбу, даже не дождавшись, пока повозка тронется по разбитой дороге.

У Армиды после месячного содержания в сыром погребе от свежего ночного воздуха с непривычки кружилась голова, она не отошла еще от непонятного одурманенного состояния, вызванного тем снадобьем, которым ее напичкали хревы.

Женщина ничего не помнила, кроме последних дней, проведенных в погребе, чувствовала большую слабость, у нее дрожали руки и ноги, от страшной боли в голове, которую будто сдавили железным обручем, слезились глаза.

Несмотря на недомогание и слабость, она интуитивно почувствовала, что все, что происходит с ней сейчас, все эти перемены будут лучше, того кошмара, который ей пришлось пережить в последнее время, а потому она смиренно пошла за Магнусом, когда тот протянул ей руку и вывел ее на свет божий.

Глава 12. В Торгарде

- Эй хей, не жалей,
- Меда не жалей,
- Да где ж его набрать
- На всех твоих детей.
- У Лодина слепого было восемь сыновей,
- У Дунгада кривого было восемь дочерей.

Эту старую, и казалось, бесконечную песню всю дорогу бубнил себе под нос рыжий здоровяк Аскель, мирно покачиваясь в седле. Иногда он замолкал и погружался в полудрему, но потом резко просыпался, и его бормотания начинались снова и снова.

Около двух суток пути заняла дорога верхом у Магнуса и его дружинников от небольшой деревушки Нерланд до самого красивого, изящного города королевства Хольмстейн — Торгарда. Ехали они неспешно.

Изумился бы и восхитился красотой этого города сам его основатель, Эйрик строитель, если бы знал, каким станет и как разрастется его город через несколько столетий.

Недаром многие скальды посвятили свои строки этому каменному величию – позволю себе процитировать слова одного известного певца того времени;

- Ты гордость наших рук,
- Ты память наших мук,
- Ты зависть всех врагов,
- Ты радость всех богов!

Да, Торгард во времена, описанные автором, действительно был гордостью королевства, с ним по его красоте, изяществу, развитой структуре не могли сравниться никакие другие города: ни Вестгейра, ни Химинхейма.

Население города составляло около трех тысяч человек, включая женщин, стариков и детей.

Живя по справедливому закону Аскольда Спокойного, которого народ почитал как мудрого и справедливого правителя, не душившего свой народ неоправданными налогами и поборами, город достиг своего расцвета во всех отношениях.

На его узких улочках, в переулках и в подворотнях практически во всех уголках процветала большая и малая торговля. Можно было купить все чего было угодно душе: от различных заморских яств до украшения и оружия.

В городе действовало много частных лавочек, мастерских, учебных заведений, таверн таких, как «У старины Гили», «До пуза», и небольших промышленных предприятий. Хорошо была развита пивная и винная индустрия.

Торгардское вино «Хольда»* славилось по всей северной стране, и купить его можно было только в столице, правда, по определенным дням, оно раскупалось мгновенно.

В Торгарде действовало общество свободной торговли. В этом городе, что являлось его особой гордостью, разводили племенных лошадей. Ну и не только в экономическом отношении Торгард был сильно развит, в военном он был тоже надежно защищен. Прекрасная, хорошо обученная и оснащенная городская дружина могла дать отпор любому врагу. Свой неустранимый боевой дух жители Торгарда не раз демонстрировали врагам, так ими были разбиты армии хревов, испытали на себе силу торгардцев и стервятники Вестгейра.

Город поражал путешественников, увидевших его первый раз, своей необыкновенной чистотой и ухоженностью. Удивительно, как самый торговый город мог быть одновременно и самым чистым?!

Дело в том, что за соблюдением чистоты по указу Аскольда в городе тщательно следили сами его жители, помимо всего прочего, существовали специальные команды людей – называли которых чистильщиками, они были призваны поддерживать порядок.

Торгард поражал и своей красотой. Священные рощи, храмы Одина, построенные еще при правлении Ингольда Справедливого, были настоящим украшением этой твердыни. Особенно красива была большая статуя Тора, находящаяся у входа в один из храмов в центре города, величественное изваяние бога, сидящего в колеснице, запряженной козлами, было видно издалека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.